

ВОКРУГ БЛОКА

Литературный факт.
2020. № 4 (18)

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (18), 2020

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

«Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924)

© 2020, С.В. Федотова

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: В статье на основе публикации писем С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922, 1924 гг.) реконструируется история отношений между владельцем «Алконоста» и вдовой поэта, передавшей Алянскому исключительные права на все произведения А.А. Блока. Выясняются детали и обстоятельства деловых переговоров Алянского с представителями берлинского издательства «Слово», выпустившего в 1922 г. блоковское собрание сочинений (три тома стихотворений и «Театр»), а также финансовые условия издания десяти томного собрания сочинений Блока под маркой «Алконоста» в издательстве «Эпоха» (Берлин, 1923). Основным предметом рассмотрения является неизвестный в блоковедении факт — обвинение Алянского в мошенничестве со стороны Л.Д. Блок. Публикуемые архивные материалы не только проливают свет на этот инцидент, но и выступают доказательством несостоятельности инсинуаций, выдвинутых в адрес владельца «Алконоста», издательская и гонорарная политика которого отличалась профессиональной предприимчивостью и высокими — «рыцарскими» — моральными качествами.

Ключевые слова: А.А. Блок; Л.Д. Блок; С.М. Алянский; издательства «Алконост», «Слово», «Эпоха»; собрание сочинений; авторское право; гонорарная политика.

Информация об авторе: Светлана Владимировна Федотова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

Для цитирования: Федотова С.В. «Мошенником меня еще никто не считал...»: письма С.М. Алянского к Л.Д. Блок (1922–1924) // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 109–151. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Финансирование советской культуры (1917–1941)», выполняемого по гранту РФФИ № 18-52-15031 НЦНИ_a.

История небольшого частного издательства «Алконост» и личность его владельца, Самуила Мироновича Алянского (1891–1974), давно привлекает внимание исследователей. Успешность издательства, нацеленного на объединение символистов, на книжном рынке в первые годы советской власти удивительна. Оно просуществовало всего пять лет (1918–1923), но это не такой уж малый срок по меркам того бурного времени. Программа «Алконоста» была ориентирована на традиции символистского книгоиздания (см.: [30; 32]), однако возникло оно не то что бы случайно (для символистски мыслящих людей ничего случайного не бывает), но неожиданно для всех и прежде всего — для его основателя.

В мемуарах С.М. Алянского [2] история возникновения «Алконоста» и роль Александра Блока в судьбе издательства и самого издателя описаны ярко и живо, но с отдельными неточностями¹ и умолчаниями. Перед исследователями, обращающимися к этим воспоминаниям, часто встает проблема реконструкции деталей, опущенных — то ли из исключительной скромности автора (см. об этом: [9]), то ли из осторожности, обусловленной временем и местом издания книги². И все-таки, думается, характер мемуаров полностью соответствует их названию — «Встречи с Александром Блоком». Блок все время остается в фокусе внимания повествователя, вся история их дружбы дается сквозь призму почтительности и благоговейной любви. Многие факты отступают на задний план или вовсе не упоминаются именно ввиду установки мемуариста, стремившегося умалиться перед памятью Блока, а не выпячивать ту роль, которую ему довелось сыграть в последние годы жизни поэта.

Эту скромность и тактичность автора воспоминаний отмечали очень многие. «Он никогда не любил как-нибудь “представляться”, не мнил себя благодетелем поэтов», — заметил К. Федин в предисловии к книге [2, с. 3]. В этих словах приоткрывается тема взаимодействия издателя с авторами — не только с Блоком, но и с другими участниками «Алконоста» и «Записок мечтателей», которым Алянский в самые тяжелые послереволюционные годы исправно платил гонорары. В этом, пожалуй, и состояла парадоксальность сложившейся ситуа-

¹ О содержащихся неточностях Алянского, например, о расхождении в датировке первых переговоров молодого издателя с Вяч. Ивановым и Андреем Белым в воспоминаниях, с одной стороны, и в данных каталога издательства — с другой, см.: [17, с. 15].

² По мнению М.Л. Спивак, многие важные детали в истории «Алконоста» были «утаены» Алянским из тактической «осторожности» (см. разветвленную аргументацию этого тезиса в главе «Андрей Белый в издательском проекте “Алконост”» в: [31, с. 123–227]).

ции — совершенно безденежный молодой издатель каким-то образом умудрялся строго выдерживать линию материальной поддержки своих авторов. Как ему это удавалось? Из мемуаров можно извлечь кое-какие сведения на этот счет, но лишь самого общего характера. Гораздо большей информативностью обладает переписка Алянского с писателями, основной массив которой уже введен в научный оборот (см., например: [4; 27]). В настоящей работе публикуются неизвестные письма Алянского к Л.Д. Блок, которые проливают свет не только на личностные и профессиональные качества владельца «Алконоста», но и на финансовые условия издания двух блоковских собраний сочинений в берлинских издательствах «Слово» (1922) и «Эпоха» (1923–1924).

Начнем с хорошо известного описания первого посещения Алянским Блока, которое состоялось 14 июня 1918 г. Уже здесь отчетливо просматриваются черты характера повествователя: его трепетное отношение к поэзии Блока, душевная импульсивность и своего рода «прожекторство». Цель визита была вполне прагматичной — получить книги поэта³, которые можно было бы продать в книжной лавке на Колокольной улице. Это предприятие было организовано Алянским и его приятелем Василием Васильевым при поддержке известного в Петербурге собирателя-библиофила Левкия Ивановича Жевержеева, у которого они, еще гимназистами, работали над составлением карточного каталога его коллекции. Как следует из воспоминаний Алянского, во время увлекательного разговора с Блоком он «неожиданно выпалил свое сожаление, что группа символистов распалась»: «... я безудержно понесся развивать свою идею-импровизацию, над которой, признаюсь, до того и не думал. Продолжая фантазировать, я заговорил о том, что символистам хорошо бы объединиться вокруг своего журнала, организовать свое издательство». Однако подчеркиваемая автором спонтанность фантастической идеи создания символистского издательства тут же переходит в конструктивно-деловой регистр. «Мои практические предложения вызвали в Блоке еще большее удивление и интерес; он задавал мне все новые и новые вопросы, желая поглубже проникнуть в мой замысел, добраться до его корней. Я говорил долго, говорил горячо, будто делился своими заветными мыслями с Васильевым» [2, с. 33–34].

³ В записной книжке Блока в этот день отмечено: «Пришел молодой человек и купил моих книг — 20 за 200 рублей (Алянский)» [11, с. 412].

Неожиданно высказанная идея, таким образом, вдохновила самого Алянского. При этом он сразу же начал креативно генерировать «практические предложения», демонстрируя такие важные в деловой сфере личностные качества, которые сегодня назвали бы *soft skills*. Блок же увидел в них признаки «человека деятельного, “американца”», почему и писал Белому: «Думаю, у нас с ним выйдут дела» (письмо от 5 сентября 1918 г.) [3, с. 517]. Далеко не случайно поэт поверил в потенциальную успешность проекта и по существу санкционировал «запуск» издательской деятельности Алянского, предложив ему напечатать отдельной книгой «Соловьиный сад».

Нельзя не обратить внимания и на рассуждения Алянского, получившего в руки несколько листочков блоковской поэмы. «Смущенный, взволнованный и тронутый расположением Блока, я отправился домой. По дороге я вспомнил все резонные соображения Васильева о предстоящих трудностях. Но могу ли я обмануть доверие Блока? Нет, я твердо решил, что эту книжечку обязательно издам. Как это будет сделано, я еще не знал. <...> Меня мучил один вопрос: где я могу прочесть или у кого узнать, как издаются книги?» [2, с. 43]. Опять перед нами — характерная для Алянского решительность приступить к делу, механизмы реализации которого ему неизвестны. Именно эта черта — отчаянная смелость и готовность научиться всему необходимому, чтобы осуществить задуманное (каких бы усилий это не потребовало) — и в дальнейшем будет определять деловой стиль владельца «Алконоста». Сам он называл ее «склонностью к авантюризму» [2, с. 62], в высшей степени ему свойственной. Однако «авантюризм» Алянского по типу далек от авантюризма, скажем, Остапа Бендера, *идейного борца за денежные знаки*. Энергичная предприимчивость молодого книгоиздателя была направлена не на личное обогащение, а на воплощение в жизнь издательских проектов, т. е. на добывание бумаги и средств для финансирования типографских работ, а также выплаты гонораров авторам. Заметим в скобках, что целеустремленность и волевой напор Алянского в достижении поставленных задач проявляются и в других ситуациях, напрямую не связанных с издательской деятельностью. Так, рассказывая о посещении Политехнического музея, где должен был выступать Маяковский, мемуарист мимоходом замечает: «Мне захотелось во что бы то ни стало попасть на эту встречу с поэтом. Это было трудно, но я все же попал» [2, с. 104]. Слегка изменив это высказывание, можно сформулировать жизненную установку Алянского: *трудно, но сделаю*.

Все названные качества проявились уже в первом, довольно рискованном проекте — издании «Соловьиного сада». Поскольку у новоиспеченного издателя не было никаких капиталов (ни в начале пути, ни впоследствии, когда он имел авторитетное имя в советском книгоиздательском деле), поэма Блока издавалась в кредит. Работник типографии, к которому Алянский обратился по совету Васильева, подсчитал, сколько надо денег, и назвал приличную сумму, которой у Алянского, разумеется, не было. Типографщик предложил кредит на две недели, отсрочку оплаты бумаги и типографских расходов, а также дал своеобразный наказ: «Сумеете за этот срок обернуться, продать книги — тогда начинайте» [2, с. 44–45]. Алянский «обернулся». Через несколько дней (11 июля)⁴ он принес Блоку корректуру, типографские украшения, шрифт для набора поэмы, показал марку издательства, и поэт все это одобрил. А через две недели, 6 / 19 июля 1918 г., три тысячи экземпляров поэмы «Соловьиный сад» были готовы⁵. Издатель и экспедитор в одном лице, нагрузив мешок книгами, на велосипеде развез их по книжным магазинам Литейного проспекта. 24 июля было продано уже 500 экземпляров (см.: [11, с. 418]), а еще через неделю Алянский расплатился с типографией. Чистая прибыль оказалась небольшой, но она была поделена поровну между издателем и автором [2, с. 45–46].

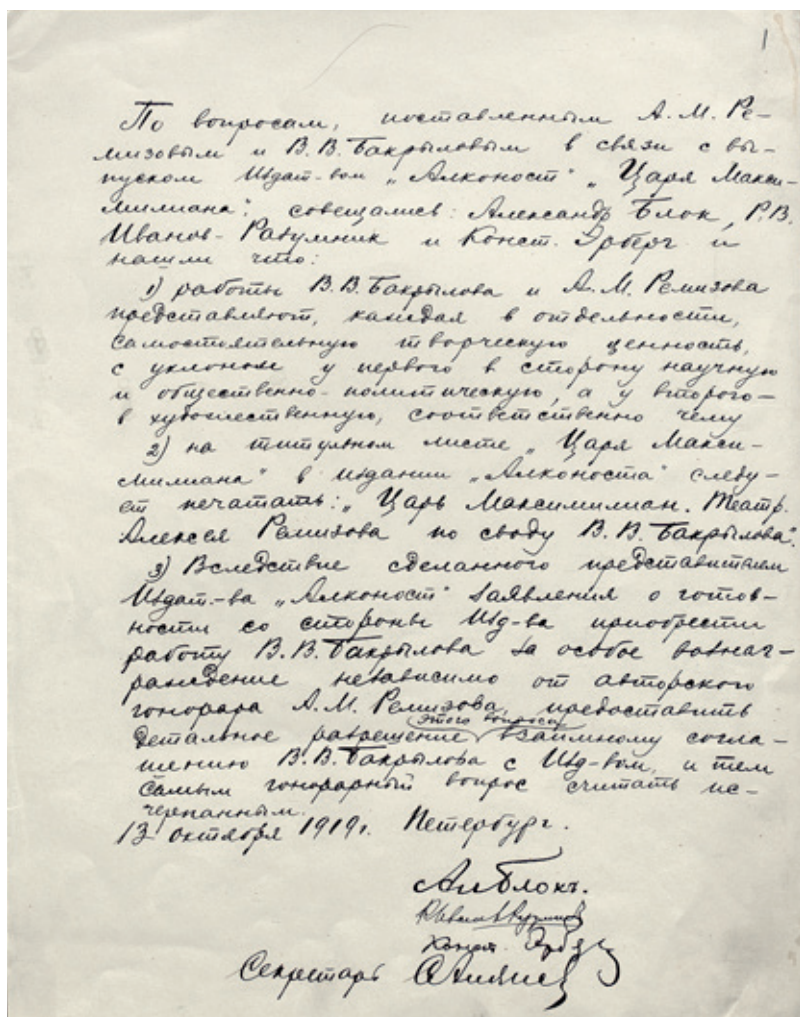
Судя по всему, своевременно погасить кредит Алянскому помог Л.И. Жевержеев, хотя в мемуарах об этом ничего не говорится. Библиофил и меценат, по-видимому, сразу поверил в успех будущего предприятия и предложил книгоиздателю-неофиту материальную помощь. По крайней мере первая корректура «Соловьиного сада» была подарена именно ему, с благодарственной надписью: «Дорогому Левкию Ивановичу Жевержееву — одному из главных виновников появления на свет Изд. “Алконост” — первая корректура первого издания. С. Алянский. 17 / XII. 1918 г.» (цит. по: [9, с. 17]).

С самого начала Блок поддерживал новоиспеченного издателя, помогал ему осваивать корректорские знаки, азы наборного и печатного дела; способствовал привлечению к изданию Андрея Белого и Вяч. Иванова; принимал участие в составлении издательских планов и совещаниях редакции, держал корректуру⁶. Но в целом

⁴ «Алянский у меня (корректура “Соловьиного сада”»)» [11, с. 416].

⁵ См. запись Блока от 19 июля: «Алянский (принес 50 экземпляров «Соловьиного сада»)» [11, с. 417].

⁶ См., например, чудом сохранившийся в архиве Алянского протокол заседания от 13 октября 1919 г. «По вопросам, поставленным А.М. Ремизовым и В.В. Бакрыловым в связи с выпуском изд-вом “Алконост” “Царя Максимилиана”»,

Протокол совещания редакции издательства «Алконост». 13 окт. 1919. (РГАЛИ)
Meeting protocol of the *Alkonost* editorial board. 13 October 1919. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

Алянский один выполнял всю издательскую работу: искал и находил авторов, художников-оформителей, договаривался о печатании рукописей с типографиями, вел учет, производил финансовые операции и т. п. По сути, все издания были осуществлены его героическими

подписанный А. Блоком, Р.В. Ивановым-Разумником, Конст. Эрбергом и секретарем С.М. Алянским [28, с. 850].

усилиями. Даже на фоне практики частных издательств того времени, в которых штат был сокращен до минимума (2–3 человека), предприятие Алянского выглядит как уникальный случай издательской инициативы, подогреваемой любовью к высокой литературе, и прежде всего, конечно, к творчеству Блока, а также «рыцарской» верностью поэту и членам его семьи.

За все время существования издательства Алянским было издано 58 книг и один табель-календарь, из них произведения А.А. Блока, идейного вдохновителя всего этого начинания, составили 23 книги, включавшие в себя почти все послереволюционные произведения поэта, в том числе и знаменитую поэму «Двенадцать» (четыре издания). Вместе с переводом его матери А.А. Кублицкой-Пиоттух «Легенды о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» В. Гюго и написанным его теткой М.А. Бекетовой биографическим очерком «Александр Блок», произведения А. Блока и его родных составили более 40% продукции издательства. Кроме того, «Алконостом» были изданы шесть книг Андрея Белого, шесть книг А. Ахматовой, четыре книги А.М. Ремизова, три книги Вяч. Иванова (включая «Переписку из двух углов», в соавторстве с М.О. Гершензоном), три книги К. Эрберга (К.А. Сюннерберга) и по одной книжке Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, Г.Ф. Кнорре, Иванова-Разумника, К.Ф. Майера и А.Д. Радловой, а также коллективный сборник «Серапионовы братья» (М. Зошенко, Л. Лунц, Всев. Иванов, М. Слонимский, Н. Никитин, Конст. Федин, В. Каверин) и альманах «Записки мечтателей» [17, с. 30].

Журнал-альманах «Записки мечтателей» — интереснейший издательский проект — выходил в 1919–1922 гг. (№№ 1–6) по инициативе Алянского и при ближайшем участии Андрея Белого⁷. Здесь увидели свет произведения Белого, Блока, Вяч. Иванова, А. Ремизова, Евг. Замятина, А. Ахматовой, В. Зоргенфрея, Ф. Сологуба, М. Гершензона, Ю. Верховского, Н. Павлович, М. Шагинян, Вл. Ходасевича. Последний номер «Записок мечтателей», полностью посвященный памяти покойного поэта, включал в себя «Воспоминания об Александре Блоке» Андрея Белого, «Александр Александрович Блок (По памяти за 15 лет, 1906–1921 годы)» В.А. Зоргенфрея и «Последние годы Блока» К. Чуковского.

⁷ В письме Белому от 19 февраля 1919 г. Алянский писал: «Это вполне естественно, что Вы будете доминировать в журнале, ибо другие сотрудники еще не заразились Вашим желанием писать. <...> Вам же я, Борис Николаевич, бесконечно благодарен. Вы открываете новую страницу в литературе, и я всеми силами буду помогать Вам эту страницу разворачивать» [4, с. 80]. О роли Белого в проектах Алянского см.: [13, с. 480]; детально рассмотрению этого вопроса посвящена отдельная глава диссертации М.Л. Спивак [31].

Издательская программа Алянского, изначально нацеленная на объединение писателей-символистов вокруг «Алконоста» и «Записок мечтателей» и ориентированная на продолжение символистских традиций, хорошо изучена (см.: [31; 33]). По мнению М.Л. Спивак, Алянский целенаправленно унаследовал программу дореволюционного издательства «Сирин». Из целого ряда аргументов, приводимых исследовательницей в подтверждение этого тезиса, остановимся только на двух, наиболее важных для понимания контекста публикуемых ниже писем. Первый касается гонорарной политики Алянского, второй — стратегии издания собраний сочинений поэтов-символистов, значимой как для владельца «Сирина», так и для владельца «Алконоста».

Действительно, хотя Алянский, в отличие от М.И. Терещенко, был беден, он также платил своим авторам хоть и скромные, но «живые» деньги, которые были «для голодающих писателей благом» [31, с. 139]. Уже в самом начале издательского проекта дело было поставлено в этом отношении строго. Алянский считал своим долгом не только соблюдать абсолютную точность в финансовых делах, но и решать их в пользу авторов, сотрудничавших с «Алконостом». Так, в письме Андрею Белому от 6 июля 1918 г. содержатся четкие инструкции и финансовые обязательства молодого издателя, выполнять которые ему помогал давний друг Г.Ф. Кнорре, проживавший в Москве:

Вы выдадите рукопись Вашей статьи из книги “Кризис сознания”, получив с него аванс в размере руб. 250–300. Дело в том, что в настоящую минуту, пока не приступлено к печати, невозможно определить стоимость всего издания, а таким образом, невозможно установить и 10% с номинальной цены всего издания — Ваш гонорар. Таким образом, цифра указанного аванса является произвольной. Но как только будет приступлено к печати, а приступить можно немедленно по получении рукописи, я немедленно пришлю Вам точный расчет Вашего гонорара [4, с. 69].

Г.Ф. Кнорре зафиксировал в дневнике свои размышления о взаимоотношениях московских авторов (А. Белого, Вяч. Иванова) и владельца «Алконоста», в домашнем обиходе — Мули. В записи от 9 ноября 1918 г. читаем:

Андрей Белый — витает в теориях, планах, увлекается строительством нового искусства в общегосударственном масштабе <...> вдруг — восплачет о бедственном своем положении, о жене, сидящей без денег в Швейцарии. Но ничего не просит.

Вячеслав Иванов — нигде не витает. Он — выматывает, обессиливает человека, если тот связан с ним денежными расчетами. Десять раз переспросит, не может ли тот его «выручить, так как совершенно неизвестно, как удастся обернуться в эту неделю». Но это, впрочем, только система, хоть и ужасная система. Он Мулей явно доволен за его аккуратные платежи.

Вот они ухватились за возможный удачный поворот в Мулиных делах. Выхлопываемый или увеличенный гонорар весьма щекочет. Впечатление все же такое, что Муля хлопочет, бьется, а они ждут только момента, когда же его можно будет, наконец, побольше высосать. Муленька хорохорится, но, как всегда, хлопочет о других много более чем о себе. Дай Бог успехов ему и — Алконосту [24, с. 670–676].

Однако эти — довольно нелицеприятные — характеристики поэтов-символистов не подтверждаются их перепиской с Алянским, где они ведут себя ровным счетом наоборот. Белый почти в каждом письме умоляет прислать денег, а Иванов обходит этот вопрос стороной, хотя при личных встречах, надо думать, вел себя иначе. По крайней мере, по ответам Алянского можно заключить, что, идя навстречу обоим авторам, он чаще оправдывался перед вторым. Так, в письме от 15 ноября 1918 г. он объясняет Иванову причину несвоевременной выплаты гонорара — задержку поступления субсидии от Комиссариата Народного просвещения и преодоление бесчисленных канцелярских формальностей, сопровождающих получение денег частным издателем. Приведем очень показательный фрагмент, подтверждающий слова Кнорре о том, что Алянский, который часто нуждался не меньше своих авторов, «хлопочет о других много более чем о себе»:

Пока же, чтобы окончательно не оставить Вас без денег, посылаю 300 руб. из моего жалования, полученного сегодня.

Из последней нашей беседы у меня создалось впечатление, что Вы не доверяете мне в денежном вопросе. Правда, Вы имели к тому основание: я второй раз оказываюсь неточным в платеже. К несчастью, не могу себя винить в этом. И если бы Вы знали, какими усилиями мне приходится устраивать денежные дела, Вы не винули бы меня.

Надеюсь в дальнейшем быть более точным, хотя, должен сказать, что по отношению к Вам был более исполнительным, чем к другим (А. Белому за «Кризис жизни» дал до сих пор только 300 руб.) [27, с. 101].

На следующий день Алянский пишет Белому в ответ на его мольбу прислать в счет гонорара от 300 до 500 руб.: «... спешу переслать Вам имеющиеся у меня уже несколько дней 500 руб<лей>, которые зачтите за что хотите» [4, с. 75]. Очевидно, что и эти деньги — из того же источника — из собственного жалования издателя: иных средств у него не было. «До сих пор еще не удалось продать Комисс<ариату> Народ<ного> Просв<ещения> 1500 экз<эмпляров> “Кризиса жизни”, — объясняет Алянский и тут же обнадеживает сильно нуждавшегося писателя, — как только удастся, немедленно вышлю Вам еще денег» [4, с. 75]. Из письма от 19 ноября 1918 г. тому же Белому, где Алянский упоминает о том, что за «Кризисы» «от Комиссариата денег еще не получил», а потому и выслать не может [4, с. 76], вытекает, что сам книгоиздатель предпочитал жить впроголодь, но во что бы то ни стало выплачивать авторские гонорары, хотя бы из личных средств и по частям. Позднее в автобиографии Алянский признается: «Работа в издательстве “Алконост” давала мне одно духовное удовлетворение, мне пришлось для заработка одновременно работать еще в двух издательствах: в Издательстве Театрального отдела Наркомпроса и в Издательстве Отдела изобразительных искусств того же Наркомпроса» (цит. по: [9, с. 45]).

Авторы «Алконоста» ценили не только деловые качества Алянского, но и его заботливое отношение к ним, искреннюю, неафишируемую готовность помочь. Но особенно глубоким доверием и любовью Алянский пользовался у Блока и его семьи. В мемуарах современников и самого издателя «Алконоста», а также в научной литературе неоднократно освещался феномен этой исключительной дружбы, согревшей последние годы жизни поэта. В письме к первому биографу Алянского С.В. Белову суть этих дружеских и творческих взаимоотношений очень точно охарактеризовал поздний К.И. Чуковский: «Мало я знал в своей жизни людей, способных так горячо ненавидеть всякое лицемерие, ханжество, всякую пошлость, безвкусицу, фальшь. Недаром к нему так прилепился душой непреклонно суровый Блок. Нужно было слышать, каким уважительным голосом произносил его имя великий поэт. “Самуил Миронович сказал”, “Я слышал от Самуила Мироновича”»⁸.

А.А. Кублицкая-Пиоттук в письме к М.А. Бекетовой от 19 мая 1920 г. по поводу поездки сына в Москву писала о том, что Алянский «буквально всю несносную часть хлопот взял на себя»

⁸ См.: [7, с. 718]. Отметим, что дата письма указана автором неверно — 13 апреля 1976 г. Чуковский умер в 1969 г. Вероятно, следует читать — 1966 или 1967 г.

Вз Предление 2-ого Телера М.О.К.О.³
(С. Кезелбину).
Трошу умявант дожитануיעс акт ло довер-
вазу от 10 мес с.г. Делка за ишт и ишт
кстоюуща гдн (вска - две миллион рублин) - Са-
муну Миронкову Александру. Алитон
2 июля 1921г.

Доверенность А.А. Блока на имя С.М. Алянского. 2 июля 1921. (РГАЛИ)

A.A. Blok's Letter of authorization given to S.M. Aliankii. 2 July 1921.

Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

(см.: [13, с. 498]). По существу, это формула деятельной любви и заботы издателя о Блоке, которая проявлялась и на протяжении трехлетней дружбы, и в период предсмертной болезни поэта. В это тяжелое время Алянский помогал чем только мог: получал по доверенности гонорары Блока; навещал поэта и его жену ежедневно, а иногда и по два раза в день, бегал по аптекам, на собственные деньги добывал по баснословным ценам продукты, прописанные доктором Пекелисом — сахар, белую муку, рис, лимоны — которые почти невозможно было найти в Петрограде⁹. Л.Д. Блок допускала к больному только Алянского¹⁰. Ему же первому она позвонила, когда Блок скончался (см.: [2, с. 155]). Добавим к этому поразитель-

⁹ В мемуарах об этом говорится со свойственной автору скромностью: «4 и 5 августа я бегал в Губздравотдел. На рецепте получил резолюцию зам. зав. Губздравотделом, адресованную в Петрогубкоммуну. В субботу 6 августа заведующего не застал. Пошел на рынок и купил часть из того, что записал. Рецепт остался у меня» [2, с. 155].

¹⁰ О том, что Алянский был единственным человеком, не считая жены поэта, кого Блок хотел видеть в последние дни своей жизни, вспоминала и тетка поэта М.А. Бекетова: «Один С.М. Алянский имел счастлиное свойство действовать на Ал[ександра] Ал[ександровича] успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного» [6, с. 296].

ное замечание Н. Павлович о том, что лицо покойного «приобрело странное сходство с лицом его друга и издателя С.М. Алянского» [26, с. 496]. Приводить еще какие-то факты, подтверждающие удивительную душевную близость Блока и Алянского, совершенно излишне — никто в ней не сомневается. Точно так же ни у кого не возникает сомнений в искренней благорасположенности к последнему жены и матери поэта, казалось бы, сохранившейся и после его смерти.

Однако это справедливо лишь по отношению к А.А. Кублицкой-Пиоттух. Она продолжала дружески общаться с Алянским до самой своей смерти в 1923 г., которая странным образом совпала с годом ликвидации «Алконоста». По свидетельству К.Г. Паустовского, Алянский взял на себя негласное обязательство материально помогать матери Блока и выполнил его честно (см.: [9, с. 52]). Можно предположить, что эта помощь оказывалась с душевным тактом и скромностью, под предлогом ее сотрудничества в «Алконосте» и «Записках мечтателей». Это следует из письма Кублицкой-Пиоттух к Алянскому, бережно хранимого последним и вывезенного из блокадного Ленинграда вместе с самыми дорогими реликвиями — книгами с инскриптами Блока, уникальными алкностовскими альбомами (см.: [8; 1; 20]), а также письмами Блока, Белого, Вяч. Иванова, Гершензона, Ремизова, Замятина¹¹. Остальной архив Алянского 1920–1930-х гг., по-видимому, безвозвратно утерян. Приведем это письмо, в котором упоминается биографический очерк о Блоке тетки поэта и корректура последнего номера «Записок мечтателей», включающего, как уже говорилось, «Воспоминания об Александре Блоке» Андрея Белого:

4 марта 1922 г.

Милый Самуил Миронович,

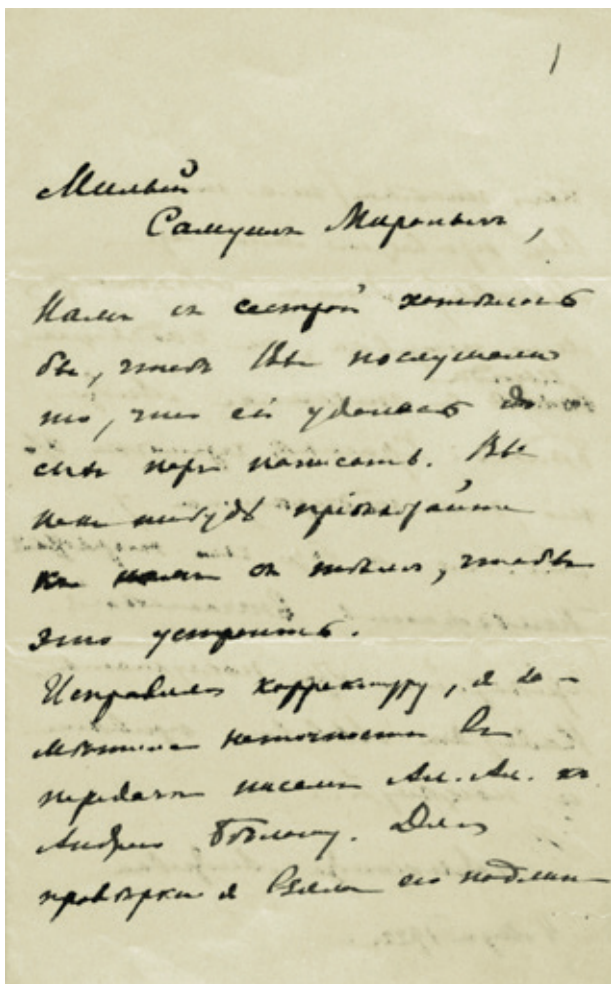
нам с сестрой хотелось бы, чтобы Вы послушали то, что ей удалось до сих пор написать. Вы как-нибудь приезжайте к нам с тем, чтобы это устроить.

Исправляя корректуру, я заметила неточности в передаче писем Ал<ександра> <Александровича> [к] Андрею Белому. Для проверки я взяла его недлинные письма (т.е. те, что Вы привезли мне из Москвы). Этим объясняются мои поправки, не сходящиеся [всегда] иногда с текстами Андрея Белого: красные черточки — это то, что подчеркнуто у Ал<ександра> Ал<ександровича> и без чего теряется рельефность впечатления.

¹¹ Указанные письма хранятся в личном фонде С.М. Алянского в РГАЛИ (Ф. 20).

Приезжайте же послушать.
Надежде Львовне¹² привет и поцелуй.

Александра Андреевна¹³.

Письмо А.А. Кублицкой-Пиоттух С.М. Алянскому, 4 марта 1922. (РГАЛИ)
A.A. Kubliyskaia-Piottukh to S.M. Alianskii.
4 March 1922. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

¹² Упоминается жена Алянского. Ср. записи Блока от 24 ноября 1920 г.: «Вечером — С.М. Алянский. Он женится. Мне грустно. Невеста его — Надежда Львовна Гинзбург» [11, с. 508]; и в дневнике от 4 января 1921 г.: «С.М. Алянский звонил: он обвенчался в синагоге; в синагоге, как следует, торжественно» [12, с. 390].

¹³ РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 8.

Иначе сложились отношения Алянского с вдовой поэта и наследницей авторских прав, о чем известно не так много. Публикуемые письма могут заполнить эту лакуну: они содержат интереснейший материал, раскрывающий в деталях историю посмертных изданий собрания сочинений Блока в Берлине¹⁴.

Обратимся ко второму аргументу М.Л. Спивак, выдвинутому в доказательство преемственности стратегий владельца «Алконоста» по отношению к стратегии владельца «Сирина». Речь идет об общей нацеленности Терещенко и Алянского на издание полных собраний сочинений поэтов-символистов, при всех серьезных различиях в масштабах их предприятий — как по уровню финансирования, так и по доле участия на книгоиздательском рынке, радикально изменившемся в послереволюционное время. Утверждение исследовательницы о том, что «Алянский изначально мыслил многотомными собраниями сочинений» [31, с. 139–140], выглядит на первый взгляд несколько преувеличенным, но ведь и в самом деле владелец «Алконоста» имел прямое отношение к четырем проектам издания собраний сочинений Блока в советское время.

Первый из них — III том «Стихотворений», подготовленный Блоком для издательства «Земля» еще в августе 1918 г., но вышедший в свет через три недели после смерти поэта, в августе 1921 г. в «Алконосте». Не будем задерживаться на судьбе этой многострадальной книги, которая основательно изучена (см.: [19; 7]). Имеет смысл привести только фрагмент из мемуарных набросков Алянского о посещении заведующего Петроградским отделением Госиздата И.И. Ионова, самовольному решению которого издать набранный в «Земле» том противился Блок. В живо описанной мемуаристом сценке ярко проявляются те черты его личности, о которых говорилось выше — отчаянная смелость и решительность. Эти воспоминания важны еще и тем, что они проясняют характеристику мытарств с III томом как «трагикомической истории приключенческого жанра, где есть погоня с пистолетом, битым стеклом и прочими атрибутами», которая содержится в письме Алянского к Д.Е. Максимову от 23 апреля 1970 г.¹⁵:

¹⁴ Отметим, что эти письма упоминаются, но не приводятся в первопреходческой работе об Алянском: [34, с. 537].

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1136. Ед. хр. 5.

Я очень хорошо помню этот мой визит к Ионову, который чуть не кончился для меня трагически.

Прочтя письмо Блока, Ионов сначала спокойно, а потом распаяясь все больше и больше, начал уже кричать на меня, что я восстанавливаю Блока против Госиздательства и его, что он сейчас арестует меня и, наконец, выхватив пистолет, закричал, что застрелит меня сейчас же, на месте.

От неожиданности, должно быть, я не успел испугаться Иопова, а очень рассердился, схватил огромную, хрустальную чернильницу с его стола и с силой бросил ее на большое стекло, лежавшее на его столе.

Грохот и осколки стекла с брызгами чернил и мой неистовый крик [о том, что он сошел с ума] сразу отрезвили Иопова. Он выронил пистолет и, как мешок с картофелем, рухнул на свое кресло и, с изумлением вытаращив на меня глаза, спросил: «Что вы разволновались?»¹⁶

В 1922 г. была предпринята первая попытка выпустить в издательстве «Алконост» собрание сочинений Александра Блока, работу над которым поэт начал еще в 1918 г.¹⁷ Однако вышли только две книги: пятое издание первого тома «Стихотворения, книга первая (1898–1904). Antelucem. Стихи о Прекрасной Даме. Распутья» («Алконост», Петербург, 1922) и «Стихотворения, книга вторая (1904–1908). Пузыри земли. Ночная Фиалка. Разные стихотворения. Город. Снежная Маска. Фаина. Вольные мысли» («Алконост», Петербург, 1922) (второй том являлся простой перепечаткой четвертого издания II книги «Стихотворений» («Земля», 1919)). Вместе с появившимся раньше третьим томом «Стихотворений» они составили «каноническую» трилогию лирики поэта, изданную Алянским. Очевидно, первый том был сдан в издательство довольно давно, но по разным причинам не мог сразу выйти в свет. По крайней мере, в письме Алянскому от 12 августа 1919 г. поэт интересовался: «Нет ли движения с I томом?»¹⁸.

¹⁶ Цит. по: [31, с. 143–144]. Ср. также дневниковую запись Андрея Белого от 18 августа 1921 г.: «Ионов, заведующий «Гос<ударственным> изд<ательством>» завез Блоку в ночь похорон огромный куст роз с трогательной надписью. Он был очень задет смертью Блока. Одно время в издательских делах по поводу «Алконоста» он его притеснял. Ионов ужасно любил поэзию Блока; но он — шалый». 20 августа Белый возвращается к этой теме: «Между прочим: Л.Д. говорила, что Ионов оскорблял Блока и что потом лишь изменил отношение к нему» [5, с. 801–802].

¹⁷ Работа над пятым изданием первого тома и — точнее — второго отмечена Блоком в августе и сентябре 1918 г., январе и июне 1919 г., апреле 1920 г. [11, с. 424, 426, 445, 462, 464, 490].

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 20. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 2 об.

12 VIII 1919.

Дорогой
Семён Михайлович.

На безмолвие крики
даны писателю - о духе
делах: 1) Маховых
просить возместит
рукопись Лукатурского -
К. Фр. Мейера. 2) Новая
разговор и Третьяков,
о котором я говорил Вам,

(Я не возобновляю его,
и Третьяков должен не
быть) закончил этот,
что Третьяков сказал: Я
предлагал бы совсем
издать, или купить
у А. Якова книгу
(на 10-15000); пусть
он сделает предложение
Мейеру издать об
этом Борисе Назошине,

2)

атресса которую я не
знаю, сообщая ему, что
Третьяков предлагает написать
книгу плету и использовать
материал (лет он в
рам: я не Ва не
хочу использовать, лет три
или четыре, а т.д., - пред
на лет 10-15% за мат.
Б. Н-чу он даёт материал,
я уже вату. Думаю, что

Оно да хорошо, если
Вам дан Б. Н-чу служ
та служ, служба служ
материал, я не могу
служ предсказать.

Ваше А. А. Блок.

Мне ли Вам служ Т материал?
Я хочу служ предсказать Вам
Доки служ служба предсказа-
ние, использовать материал
предсказать. Это Вам служ служба
предсказать?

Письмо А.А. Блока С.М. Алянскому. 12 авг. 1919. (РГАЛИ).

A.A. Blok to S.M. Alianskii. 12 August 1919. Russian State Archive of Arts and Literature (RGALI).

В послесловии «От издательства» сообщалось: «Собрание сочинений А. Блока выпускается нами по плану, выработанному им самим для предполагавшегося издания, которое не удалось осуществить при жизни поэта. Три тома стихотворений и том театра А.А. Блок подготовил к печати в окончательной форме. Для остальных томов им составлен план. Они заключают: том поэм, том переводов, том драматических переводов; несколько циклов статей займут пять томов»¹⁹.

План, которому следовали составители, вчерне был набросан Блоком 25 декабря 1917 г. Естественно, принципиально важные статьи поэта, написанные в 1918–1921 гг., в него войти не могли. Проблема преобразования плана прижизненного собрания сочинений в посмертное, более масштабное по охвату произведений, решалась Комитетом имени А.А. Блока, в который входили А.А. Кублицкая-Пиотух, Л.Д. Блок, Андрей Белый, Иванов-Разумник, П.Е. Щеголев, С.М. Алянский. Решающее слово в выборе материала принадлежало вдове поэта²⁰. В дневниковых записях Андрея Белого отмечен ряд встреч членов Комитета в течение первого месяца после кончины Блока. 1 сентября 1921 г. Белый записывает, что на заседании Комитета имени А.А. Блока «обсуждались вопросы, связанные со сборником, и план издания полного собрания сочинений...» [5, с. 811].

Незадолго до этого, 20 августа 1921 г., Л.Д. Блок отклонила предложение Госиздата выпустить собрание сочинений мужа, мотивируя свой отказ тем, что «собрание сочинений принадлежит “Алконосту”» [5, с. 802]. Тем не менее известно, что договор между Любовью Дмитриевной и Алянским на издание всех произведений Блока — «как на всем протяжении Р.С.Ф.С.Р. и союзных с нею и дружественных республик, так и за границей» — будет заключен только через год, в июле 1922 г.²¹. Вплоть до этого момента исключительное право «Алконоста» на издание полного собрания сочинений Блока, очевидно,

¹⁹ Подробнее о подготовке этого собрания сочинения Блока см.: [24, с. 532–534; 36].

²⁰ См. запись Белого от 20 августа 1921 г.: «Сегодня вечером были с Разумником Васильевичем у Л.Д. Блок, вызвавшей нас; ее сомнения заключаются в том, что учрежденный Комитет памяти Блока может измениться в своем составе и тогда он, владея материалом, неопубликованным, о Блоке, может вопреки желанию Л.Д. распоряжаться материалом, тем более, что Щеголев, великолепный исследователь, привыкший оперировать со всеми материалами и досконально докапываться до фактов биографии, может сообщить в биографии нечто преждевременное, касающееся других (например Л.Д.) и т. д. Обсуждали этот пункт и пришли к заключению, что Комитет должен утвердить компетенцию Л.Д. в вопросе о выборе материала» [5, с. 802].

²¹ Фрагментарное цитирование договора см. в: [9, с. 52; 15, с. 291]. Полный текст дается в *Приложении*.

основывалось на воле покойного поэта и устной договоренности, но не было официально оформлено. Этот нюанс сыграет свою роль при тяжбе Алянского с берлинским издательством «Слово», подробности которой излагаются в его письмах 1922 г. к Л.Д. Блок.

Сразу после смерти мужа Любовь Дмитриевна заключила договор с Ф. Россом, молодым и энергичным коммерческим директором «Слова», женатым на дочери одного из братьев Ульштейнов, владельцев крупнейшего берлинского печатно-издательского концерна. И.В. Гессен, содиректор издательства со стороны русских учредителей, вспоминал, что Росс впервые попал в Петербург за несколько дней до кончины Блока, присутствовал на его похоронах, а затем «приобрел от вдовы поэта авторские права на издание полного собрания его произведений» [16, с. 107–108]. Мемуарист не вполне точен. Хотя характер этого соглашения не вполне ясен, можно предположить, что «Слово» выкупило права на четырехтомник (три тома лирики и «Театр»), подготовленный самим Блоком при жизни. По крайней мере, в 1922 г. издательством был выпущен именно этот корпус сочинений, который по составу точно повторял предыдущие издания (четвертые издания I и II томов «Стихотворений» — 1918–1919 гг., третье издание III тома «Стихотворений» — 1921 г. и второе издание сборника «Театр» — 1918 г.) (см.: [25, с. 536]).

Весной 1922 г. Алянский получил заграничный паспорт²². В Берлине, переживавшем в это время книжный Ренессанс за счет притока русской эмигрантской печати, у него было как минимум два важных «дела». Первое — переговоры со «Словом», представителям которого он должен был передать письмо вдовы поэта. Очевидно, в нем сообщалось о том, что «право на издание всех без исключения сочинений» ее покойного мужа А.А. Блока, «как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появившихся в печати», Л.Д. Блок переуступила «Алконосту». Помимо этого, как можно заключить из письма Алянского, он должен был от имени Л.Д. Блок предъявить финансовые претензии к издательству. Второе и важнейшее дело — подготовка издания десяти томного собрания сочинений, план которого был выработан Комитетом им. А.А. Блока, а также биографического очерка М.А. Бекетовой.

В публикуемых письмах Алянского подробнейшим образом излагаются детали многочасовых «разговоров со “Словом”», кото-

²² Ср. в воспоминаниях Н. Берберовой: «С мая 1922 года началась выдача в Москве заграничных паспортов — одно из последствий общей политики нэпа. И у нас в руках появились паспорта на выезд: номера 16 и 17. Любопытно бы знать, кто получил паспорт номер 1? Может быть, Эренбург? Может быть, Алянский?..» [10, с. 178].

рые продолжались несколько дней подряд. К моменту появления издателя в Берлине «Слово» уже выпустило лирическую трилогию. Более того, «I и II тт. почти разошлись, а III-го осталось немного, “Театр” скоро выходит в свет (уже отпечатан), и что замечательнее всего, что к концу августа они намерены выпустить новое издание первых трех томов», как сообщает ошеломленный этим известием Алянский. С самого начала владелец «Алконоста», правообладатель всех сочинений Блока, был настроен категорически против издательских действий и планов «Слова», имевшего право, как был уверен Алянский, только на разовое воспроизведение четырехтомника поэта на основе предварительного договора с Л.Д. Блок. «Если после этих переговоров я выйду победителем — это будет не зря, и им обойдется это не дешево, если же побежденным окажусь, то тем более их прижму», — решительно заявляет он своей корреспондентке. Победа в данном случае означала получение требуемой от «Слова» компенсации за нарушение авторских прав «Алконоста», а также принуждение «Слова» к полному отказу от переиздания сочинений Блока, несмотря на проделанную подготовительную работу. В случае поражения — невыполнения предъявленных требований — Алянский намеревался подать судебный иск, для чего просил Л.Д. Блок срочно прислать ему копию договора со «Словом», а также договор с «Алконостом», «который хорошо бы пометить числом более ранним, чем помечен договор со Словом (как он фактически и был заключен)».

В этом любопытном замечании заключается тот самый юридический казус, о котором говорилось выше. Столкнулись, с одной стороны, подписанный договор с Россом о передаче «Слову» авторских прав на четырехтомник Блока; с другой — устная договоренность вдовы с Алянским о том, что к нему бессрочно переходят исключительные права на все сочинения ее покойного мужа, юридически оформленная в виде договора только задним числом. Именно из-за этой тонкости дело Алянского в общем-то было проигрышным, тем более что он не владел юридической казуистикой («я не знаю, что такое опсионное право, мне казалось, что это преимущественное право»). По смыслу договора, заключенного с Л.Д. Блок, который расценивался представителями «Слова» как опционный, берлинское издательство имело «полное право печатать сколько угодно изданий, на прежних условиях и без дополнительного разрешения наследницы поэта». Тем не менее Алянский как официальный правопреемник всех сочинений Блока отчаянно отстаивал свою позицию и защищал интересы Любови Дмитриевны, проявляя при этом как чисто дело-

вую смекалку и предприимчивость, так и приемы эмоциональной атаки скандального типа. Впрочем, он готов был урегулировать проблему и «мирным путем», поделив авторские права поровну на все последующие издания: «Я разрешаю им напечатать 10 томов сочинений» Блока по 10.000 экз. каждого тома под маркой «Слово» в том виде, в каком его печатать собирался я, причем с этого же набора они печатают 5.000 экз. «эмпляров» для меня с маркой «Алконоста». Я везу свое издание в Россию и не продаю его за границей, а они наоборот. Они должны выплачивать 15% авторского гонорара Вам, а мне за переуступку заграничного издания они должны заплатить 10% с номинала в следующем виде: 4% наличными, а 6% работой и бумагой». Однако и этот вариант оказался неприемлемым: «Слово» соглашалось печатать собрание сочинений в течение 20 месяцев, в то время как издатель «Алконоста» был уверен в том, что даже в худшем случае, если ему «придется вертеться и крутиться, как приходилось до сих пор», он выпустит 10 томов «не больше как в 10–12 месяцев». В конце концов Алянский назвал представителей «Слова» «самыми предпоследними жуликами», договориться с которыми невозможно, поэтому он намеревался затеять судебное разбирательство, сообщая Л.Д. Блок о том, что ему «обещали дать такого большого юриста, от которого у них глаза на лоб выскочут и который поведет это дело не из материальных соображений, а исключительно принципиально». Дошло ли дело до суда, неизвестно. Однако буквально через несколько дней после последних прений со «Словом» Алянским была достигнута договоренность об издании десяти томного собрания сочинений в берлинском отделении издательства «Эпоха», которое возглавлялось давним почитателем Блока С.Г. Каплуном.

В последнем письме из Берлина от 2 сентября 1922 г. Алянский констатировал, что его поездка полностью оправдалась: ему удалось устроить собрание сочинений Блока, придумать оформление обложки и отпечатать биографию поэта. «Но вот уже месяц, — добавляет он, — как выпустил биографию и договорился о собрании сочинений». Сижу без дела, а между тем необходимо спешить, т. к. условия работы сильно ухудшаются». Жуткая инфляция, охватившая Германию в это время, сказалась на резком удорожании жизни в целом и книгопроизводства в частности. Но нетерпение издателя было связано еще и с общим невеселым настроением, одиночеством, тоской по жене, несвойственной ему бездеятельностью в незнакомой обстановке. В последних строках письма Алянский признается Л.Д. Блок: «Я не писал Вам, так как нытьем своим не хотел ронять себя в Ваших глазах. А то, глядишь, и доверие Ваше, которое мне очень ценно, потеряю».

Однако отношения между вдовой поэта и его издателем все же претерпели радикальные изменения, хотя и не сразу, а через два года. Об этом свидетельствует исполненное драматизма письмо, датированное 22 июня 1924 г., отправленное по городской почте. Обращает на себя внимание, что, сохраняя верность символистской традиции, Алянский по-прежнему называет город Петербургом, а не Ленинградом. Но не это самое удивительное в публикуемом ниже большом письме, скорее всего последнем, подводившем непредвиденные итоги дружески-доверительным отношениям с женой Блока, верность которому Алянский сохранял до конца жизни. И даже не знаковые различия в эпистолярных формулах приветствия и прощания: в корреспонденции из Берлина были неизменными обращение («Дорогая Любовь Дмитриевна») и подпись («Преданный Вам С. Алянский»), а здесь адресат приобретает официально-прохладный статус «многоуважаемой», а адресант становится «уважающим Вас». Письмо поражает прежде всего совершенно новым тоном — тоном человека, оскорбленного в своих лучших чувствах:

Я никогда не представлял себе, что разговор, происходивший между нами, возможен между знакомыми людьми, тем более не представлял такого разговора с Вами в силу сложившихся за 6 лет отношений, носивших характер несколько отличный от обычного знакомства. На своем, хотя и не очень большом веку, мне приходилось встречаться и иметь дело со многими людьми. С некоторыми из них мне приходилось ссориться (но не на денежной почве), и таких чудовищных обвинений, которые пришлось услышать от Вас, мне до сих пор слышать не приходилось. Мошенником меня еще никто не считал, и как с таковым никто не говорил.

Содержание письма исключительно важно для реконструкции тех обстоятельств, при которых десяти томное собрание сочинений Блока было запланировано и выпущено в «Эпохе» (в неполном объеме: в 1923–1924 гг. вышло в свет семь томов). Почему так и не появились VI, VIII и X тома, до сих пор оставалось не вполне ясным. Обычно называют объективные причины незавершенности издания — ужесточение цензурной политики и запрет ввоза русских книг, напечатанных в эмиграции; они способствовали разорению большинства берлинских книгоиздателей, ориентированных в своей работе на возможный книжный рынок в России, в частности С.Г. Каплуна (см.: [14, с. 56–59]). Письмо же раскрывает еще один аспект, не менее важный — субъективный, связанный с конфликтом Л.Д. Блок

и Алянского из-за тех обвинений, которые *Прекрасная Дама* выдвинула против издателя. Правда, к тому времени частные издательства были уже ликвидированы, часть тиража собрания сочинений Блока в связи с закрытием «Алконоста» была напечатана под маркой «Эпохи», а сам Алянский перешел работать в издательство «Книга».

По-видимому, невыплаты гонорара именно за эту часть — по независимым от Алянского причинам — и стали поводом для инсинуаций вдовы поэта. Несправедливые обвинения не только повергли Алянского в состояние искреннего негодования, но и подтолкнули его к подробному ретроспективному изложению деловых отношений с Л.Д. Блок. Автор письма утверждает, что Любови Дмитриевне «по совести» были известны условия, на которых был заключен договор с «Эпохой». А именно: значительная часть авторского гонорара за издание «Эпохи» должна была пойти на покрытие расходов по печатанию книг с маркой «Алконоста», которые предназначались для реализации в России, «с тем, чтобы эта часть гонорара за изд<ание> Эпохи будет Вам выплачена уже мною от реализации в России из Алконост». Более того, защищаясь от незаслуженного оскорбления, Алянский, вопреки своему обыкновению, вынужден артикулировать свой кодекс чести издателя, за который его высоко ценили все издаваемые им авторы:

Вы знали также, что за уступку части авторских прав другому изд<ательст>ву я противно издательским обычаям не взял в свою пользу ни одной копейки. Этим я не хочу сказать, что принес какие-то жертвы. Я продолжаю считать, как и раньше считал, такое мое поведение в порядке вещей и вполне естественным, несмотря на сложившиеся у издателей обычаи. Я говорю сейчас об этом для того, чтобы подтвердить, что считал и считаю себя защитником максимальных авторских прав и гонораров.

Равным образом Л.Д. Блок не могла не знать о том, что книги из Берлина поступали в Россию с большим трудом, и, конечно, не по вине Алянского. Для него подозрения в мошенничестве были тяжелым ударом не только с профессиональной точки зрения; он был оскорблен как человек, по праву считавший себя верным другом Блока и его семейного окружения. О глубоком потрясении Алянского свидетельствует его намерение призвать Л.Д. Блок на «суд чести» в Союзе Писателей, если дело не удастся уладить миром. Какая горькая ирония: *рыцарь* Блока и его *Прекрасная Дама* на «суде чести». Но, по-видимому, до этого дело не дошло.

Как следует из письма, растерявшийся от потрясения Алянский опрометчиво пообещал Л.Д. Блок погасить долг в течение двух недель. Нельзя не отметить уже знакомую нам спонтанность поведения издателя, идущую рука об руку с вполне рациональными решениями. Показательно в этом отношении признание: «... у меня явилось роковое желание покончить сразу с денежными расчетами, и тогда уже наговорить Вам горьких слов. Желание вполне естественное, и если бы мне удалось его выполнить, я считал бы себя счастливым». Однако все попытки выполнить обещание оказались безуспешными (он хотел продать свое имущество и даже занять деньги под ростовщический процент). Тогда Алянский предложил не менее самоотверженное, но деловое решение проблемы: выплачивать наследнице блоковских сочинений в совокупности 65% от суммы, причитающейся ему от «Книги» за проданные в предыдущем месяце экземпляры до тех пор, пока не будет покрыт долг за издание «Эпохи». «После чего Вы будете получать только 33 1/3% до продажи последнего тома сочинений» Блока (т. е. 6, 8 и 10-ый), имеющих выйти через три месяца со дня представления рукописей». Условием получения уже вышедших томов Алянский называет отправление рукописи 8 тома в Берлин до 1 июля 1924 г. Поскольку не появились именно перечисленные тома, очевидно, что это условие Л.Д. Блок не выполнила.

Однако предложение Алянского она приняла. Об этом свидетельствуют справки и письма из «Международной книги», сохранившиеся в блоковском архиве. Так, например, в справке от 15 декабря 1924 г., помимо расчетов (до копейки) о продаже книг Блока, сообщается: «По просьбе С.М. Алянского Вам посылается все 10% причитающихся Алконосту сумм на I/XII»²³.

Надо сказать, что берлинское собрание сочинений Блока подверглось основательной критике. Так, Вл. Орлов, не называя фамилий, но явно целя в Алянского, довольно жестко подчеркивал несерьезность и торопливость издателей, «дилетантщину» плохо продуманного и еще хуже организованного издания, которое признавал «безусловной неудачей» [25, с. 505, 539–540]. В этом есть доля истины, но такая оценка не учитывает всех сложностей и обстоятельств проекта Алянского, которые раскрываются в публикуемых письмах. Вместе с тем Орлов отмечал, что, несмотря на все недочеты этого издания, оно сыграло «известную положительную роль в деле популяризации литературного наследия Блока». И вплоть до 1932 г., когда начался выпуск нового «Собрания сочинений Александра Блока», — неза-

²³ РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 87. Л. 6.

вершенное издание «Алконоста» — «Эпохи» оставалось все же наиболее полным и наиболее распространенным. Именно по этому изданию широкие читательские круги знакомились с творчеством Блока [25, с. 542].

К этому следует добавить один важный факт: к упоминаемому собранию сочинений Блока в 12 томах, которое издавалось в «Издательстве писателей в Ленинграде» в 1932–1936 гг.²⁴, Алянский имел самое прямое отношение. На первом этапе подготовки и «запуска» издания он занимал должность заведующего этим кооперативным издательством, являвшимся одним из центров ленинградских писателей-попутчиков. Но в конце 1932 г., после ряда событий политического характера, ему было предложено уйти в отставку под классическим для того времени предлогом — во главе издательского аппарата «должен стоять партийный руководитель» [21, с. 476]²⁵. Таким образом, это был четвертый по счету проект издания собрания сочинений Блока, инициированный Алянским.

«Через всю сознательную жизнь я пронес дружбу Блока, как самый высокий и ценный подарок», — признавался Алянский через сорок лет после смерти поэта²⁶. В своих мемуарах — в память об этой высокой дружбе — он по-рыцарски не допустил ни малейшего намека на оскорбление, нанесенное ему Л.Д. Блок, не бросил и тончайшей тени на ее имя.

Публикуемые письма хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Ф. 654. Оп. VIII. № 39. Ответы Л.Д. Блок утрачены или до настоящего времени не обнаружены.

Мелкие, главным образом пунктуационные, погрешности исправляются без оговорок в соответствии с современными нормами.

²⁴ О подготовке этого издания см.: [23, с. 125–131].

²⁵ Из письма Лаврухина Алянскому от 25 июля 1932 г. Подробнее см.: [22].

²⁶ Из письма К.И. Чуковскому от 11 декабря 1960 г. Цит. по: [9, с. 41–42].

1.

Berlin 22 / VII. <19>22 г.

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Только теперь пришел немного в себя и могу написать Вам. Начну с парохода. Поездка по морю была изумительная. Я так отдохнул за три дня жизни на пароходе, как не отдохнул бы нигде за целый месяц. Погода стояла на редкость удачная, и я не только не узнал морской болезни, но даже мечтал о небольшой качке (хотелось узнать, какая она). Загорел за эти три дня настолько, что на лбу сошла кожа. Кормили на пароходе отлично (хорошо и обильно). Соседи мои: по каюте — англичанин, по столу — с одной стороны итальянец, с другой — эстонец, а визави — немец. Несмотря на абсолютное незнание языков, кое-как объяснялись, а под конец и подружились. В Берлин приехал в воскресенье поздно вечером, около 12 ч. Остановился в гостинице на Mittelstr. угол Friedrichstr. (гостиница так себе, но жить можно, плачу 100 мар. в сутки). На следующее утро я ходил по городу, как ошалелый, ничего не понимал; ошеломляет движение и необычайная роскошь магазинных выставок. Довольно скоро нашел своего Голуба¹, который меня и по сей день просвещает. Первые дни, да и сейчас еще чувствую себя здесь не столько русским, сколько англичанином или американцем. Это надо объяснить. Дело в том, что англичане или американцы приезжают сюда со своей валютой: фунтами и долларами, и покупают на них в пять и десять раз больше того, чем на эти фунты и доллары могут купить в своей стране. Их называют иностранцами с высокой валютой. Им все кажется дешевым. Но что естественно для них, то диким кажется для нас. Оказалась и Россия — страна с высокой валютой, и по отношению к германской марке на рубль... тоже монета. Приведу несколько примеров: 1) на наши 1½ миллиона можно весь Берлин изъездить на таксомоторе, 2) чудные шевровые мужские ботинки стоят здесь 6–7 милл. 3) Лучшие дамские чулки (не шелковые) от 1 до 2 милл. 4) Книга, такая как «Записки Мечтателей» [№ 6], должна стоить здесь максимум 1 милл. Я со своими грошами (по-нашему) чувствую себя здесь богачом. Немцы соображают, как им проехать дешевле в другой конец города, по железной дороге стоит 3 марки, по трамваю 4 марки, на автобусе 5 марок, по Untergrund ban — 3 марки, а я, не долго рассуждая, подхожу к ряду таксомоторов, выбираю наилучший (да упаси Боже не электрический), называю ему улицу, дом, и он мчит как угорелый по немного сдавшим асфальтовым мостовым. Кроме быстроты и отсутствию сигарного дыма, который не выношу, есть еще одно существенное удобство, не нужно рас-

спрашивать словоохотливых немцев, как туда-то проехать или пройти. Я несколько раз пробовал прибегать к расспросам и всякий раз проклинал себя, т.к. те так охотно и так подробно рассказывают, причем говорят очень быстро (я, конечно, ничего не понимаю, мотаю головой и при первом перерыве вставляю «danke schön», но не тут-то было, они еще больше воодушевляются и лопочут такое, что отчаяние берет), а с таксами совсем другое — назвал адрес и через несколько минут достигаешь цели. Теперь я немного освоился с другими способами передвижения и в места знакомые езжу автобусами (очень быстро). Но все это было бы очень хорошо, если бы не было так тоскливо. Несмотря на большие знакомства мне так тяжело здесь одному, как не мог себе представить в Питере. Если Надежда Львовна² скоро сюда не приедет, боюсь не выдержу, брошу все и уеду обратно. А дела ведь складываются не блестяще, за исключением биографии³, которую набрали не больше не меньше как в три дня, и я думаю, удастся выпустить ее здесь числу к 1–5 августа, таким образом в Питер попадет только к 8–13 августа. Правда пришлось наречься, корректорша сидит в типографии чуть ли не круглые сутки, но зато и результаты видны, не обидно. Другое дело — разговоры со «Словом». Если после этих переговоров я выйду победителем — это будет не зря, и им обойдется это не дешево, если же побежденным окажусь, то тем более их прижму. Теперь должен рассказать о разговорах с ними подробнее. Явившись к ним пока намеренно без Вашего письма, я собирался узнать, как у них расходятся сочинения Блока (не хотел их сразу ошарашивать). Но почти с места в карьер они меня ошарашили. На мой вопрос они с гордостью заявили, что I и II т.т. почти разошлись, а III-го осталось немного, «Театр» скоро выходит в свет (уже отпечатан), и что замечательнее всего, что к концу августа они намерены выпустить новое издание первых трех томов. Я так и сел. Придя в себя (Вы должны понять мое волнение), я начал почти кричать. Немного они испугались сначала и стали успокаивать меня, что все можно уладить, и уверять, что нет такого положения, из которого нельзя было бы выйти, и предложили зайти с Вашим письмом на следующий день. Я аккуратно явился с Голубом и предложил на основании Вашего письма уничтожить сделанную работу по II-му изданию, пустить на макулатуру, т.к. во-первых, издание это в редакционном отношении устарело, а в технически-художественном отношении ниже всякой критики, заметив кроме того, что так с авторскими правами не поступают порядочные издатели. Волнение предыдущего дня еще не прошло и поэтому невольно передавалось на тон моих заявлений. Когда они немного пришли в себя, то

заявили мне, что по смыслу договора, заключенного с Вами, по которому им представляется какое-то опционное право⁴, они имеют полное право печатать сколько им угодно изданий, что же касается авторского гонорара, то в этом вопросе можно договориться. Обстановка создалась самая безотрадная. Мои собеседники Росс, который почти не принимает участия в переговорах, и Б.И. Элькин⁵, прис<язный> повер<енный>, который крутит, крутит и сбивает с толку. К его неудовольствию я довольно быстро пришел в себя, и тогда веселее стало. Он начал мне грозить, что судом не позволят мне печатать моего издания, которое может с их изданием конкурировать, ссылаясь на германский суд, но, к счастью, я не испугался и заявил, что без всякого суда взыщу с них все убытки, в том числе и судебные, если они его затеют, пользуясь тем, что Вами не закреплён размер авторского гонорара, а поэтому он может простираться до 90% с номинала. После этих взаимных угроз они предложили мне подумать, как они могут мне компенсировать и нельзя ли их издание усовершенствовать, т. е. нельзя ли поделить как-нибудь авторские права между Алконостом и «Словом», и что я за это хочу. Начинала создаваться приличная конъюнктура, благодаря которой помимо моего предложения определилась возможность приступить к печатанию собрания сочинений Блока в том виде, в котором в Питере установили. Я вместе с Голубом два дня и почти ночь ломали голову над тем, при каких условиях мы могли бы договориться. Было много гениальных и негениальных планов, о которых писать совсем невозможно, приеду расскажу лучше, и в результате решили вот на чем. Я разрешаю им напечатать 10 томов соч<инений> Блока по 10.000 экз<емпляров> каждого тома под маркой «Слово» в том виде, в каком его печатать собирался я, причем с этого же набора они печатают 5.000 экз<емпляров> для меня с маркой «Алконоста». Я везу свое издание в Россию и не продаю его за границей, а они наоборот. Они должны выплачивать 15% авторск<ого> гонорара Вам, а мне за переуступку заграничного издания они должны заплатить 10% с номинала в следующем виде: 4% наличными, а 6% работой и бумагой. Я предложил 6% работой, т. к. считал, что для них это выгодно, т. к. работа им стоит дешевле и бумага у них старых запасов, так что на этом они зарабатывают, и фактически эти 6% сведутся для них к 1–2%. Началось обсуждение, длившееся три дня по 4 часа каждый день. В результате моего предложения они сделали другое, которое сводится к следующему. Печатается X экземпляров соч<инений> Блока, из коих Y — с маркой «Алконост», а Z — с маркой «Слово». Каждый из нас — одинаковый владелец половины всех авторских прав и всех

последующих изданий. Вам выплачивается 15% авт<орского>гоно-рара. Мне же за то, что я им уступаю половину авторских прав, они дают кредит до выхода в свет издания, т. е. они печатают книги без аванса, но когда книги готовы, я обязан внести всю сумму. На мой вопрос, где же компенсация, он неуверенно стал объяснять мне, что кредит здесь в Германии не шутка и стоит больше денег. Кроме того они дают бесплатно весь свой технический аппарат. Первое обстоя-тельство для меня, конечно, облегчение, но далеко не такое, которое может реализоваться, ведь для того чтобы выкупить у них хотя бы I том, мне нужно внести им минимум 300.000 марок. При таких усло-виях зачем они нужны мне, я все равно должен искать денег, и в результате окажется, что для того чтобы получить у них готовую книгу в кредит, я им вынужден буду отдать вторую половину своих прав на соч<инения> Блока. Кроме этого они заявляют, что все изда-ние может быть осуществлено — при их-то аппарате и возможностях с готовой бумагой — не раньше как в 20 месяцев (двадцать месяцев). Я думаю, что в худшем случае, если мне придется вертеться и кру-титься, как приходилось до сих пор, я выпущу 10 томов не больше как в 10-12 месяцев.

Разговоры я еще не прервал, хочется убедиться окончательно в невыгоде их предложения и с чистой совестью идти дальше. Должен сказать только, что сил и нервов мне эти разговоры стоили больших, и если я с ними разойдусь, что вероятней всего, они запла-тят мне за это. Крупный разговор был еще относительно аванса за «Театр». Они ссылаются на то, что не имели случая Вам переслать деньги, т. к. Вы просили сделать это обязательно с оказией, а оказии у них не было, кроме того они считают, что должны Вам в качестве аванса всего-навсего 10.000 марок. И по этому вопросу скандалить пришлось, и в результате они согласились со мною. Об окончатель-ных результатах, как и об расчетах неправильных, сообщу Вам, как только все выяснится. Обидно, что не могу подробнее делиться с Вами всеми возникающими вопросами и не могу получать Вашей частой поддержки, без которой часто теряюсь. Не откажите написать мне Ваше мнение по поводу моих соображений и действий. По по-воду же просьбы для Блоковского музея — этот мерзавец (простите за выражение) вытаскил мне две газеты и «Двенадцать» в издании «Скифы», заявив, что это все что ему удалось собрать здесь. В то же время Ремизов по собств<енной> инициативе собрал обширный материал, который привезу или пришлю⁶.

Простите мне мою болтливость, вызвана она желанием как можно подробнее обо всем рассказать. Очень прошу Вас написать

мне по адресу: Berlin — Grunewald, Orberstr., 18, Herrn N. Golub для меня. Напишите, пожалуйста, как здоровье Александры Андреевны. Передайте ей и Марье Андреевне мой привет, горячую любовь и желание здоровья и благополучия. Если увидите Надежду Львовну, покажите ей это письмо, ей пишу только о тоске своей, а интересуют ее и дела мои. Уговорите ее приехать. А не то мне не высидеть здесь. Здесь нужна выдержка, а какая же выдержка, когда с тоски готов на стену лезть. Если же Н<адежда> Л<ьвовна> приедет, совсем другое дело будет. Постарайтесь уговорить. Крепко жму Вашу руку и жду Вашей поддержки.

Преданный Вам С. Алянский.

¹ О приятеле Алянского никакой информации найти не удалось.

² Речь идет о жене Алянского.

³ Имеется в виду издание: [6].

⁴ Поскольку «Слово» выкупило у Л.Д. Блок авторские права, очевидно, что в договоре был прописан срок реализации издательского проекта и определенные условия (качество издания и его единичность). Отсюда понятна реакция Алянского на сообщения о готовящемся втором издании, а также его упреки в том, что издание «Слова» «в редакционном отношении устарело, а в технически-художественном отношении ниже всякой критики», особенно его замечание — «так с авторскими правами не поступают порядочные издатели». Алянский неверно понимает смысл опционного права, смешивая его с преимущественным правом, вполне вероятно, по той причине, что после революции в России опционы были отменены, см.: [35].

⁵ Борис Исаакович Элькин (1887–1972), один из ближайших соратников И.В. Гессена, под руководством которого в 1910 г. начал карьеру адвоката; он же привлек Элькина к редакторской деятельности. Придерживаясь крайне правых взглядов, после революции уехал в Германию. По некоторым сведениям, именно он подал идею немецкой издательской фирме Ульштейна организовать нечто вроде русского филиала. Занимал достаточно видное место среди берлинской эмиграции (был членом правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, работал в Комитете помощи русским ученым и писателям), подробнее см.: [29].

⁶ А.М. Ремизов, уехав из советской России, сразу же начал собирать материалы русской эмигрантской и иностранной печати — отклики на смерть Блока, воспоминания о нем, публикации его текстов. В течение двух лет (1921–1922 гг.) он составил четыре альбома газетных вырезок о поэте, общим объемом около 140 листов. Эти материалы были предназначены для создания мемориального музея Блока в Петрограде, который планировался Комитетом памяти Блока. О первом заседании Комитета 18 августа А. Белый сделал дневниковую запись: «Сегодня состоялась первое организ<ационное> собрание Комитета кружка имени Блока, могущего развернуться и в Музей имени Блока, и в Литер<атурное> о<бщест>во имени Блока. Присутствовали: Л.Д. Блок, А.А. Кублицкая-Пиотух, П.Е. Щеголев, Р.В. Иванов, я, Алянский» [5, с. 800]. Алянскому Ремизов пересылал собранные материалы, а также рукопись своей статьи «Из огненной России. Памяти Блока» (1921, опублик. 1922). В письме к Алянскому, написанном 18 декабря 1921 г., но полученном адресатом только 26 января 1922 г., Ремизов сообщал: «Дорогой Самуил Миронович! Ваше письмо, как видите, дошло до меня с большим запозданием; рукопись мою — память о Блоке посылаю. <...> надо хорошо обдумать — это я о письмах Алек<андра> Алек<андровича>. Все, что попадет о А<лександре> А<лександровиче>, все собираю: прощу и парижан, и латвийцев <...> библиограф<ия> о Блоке понемногу будет печататься в бюллетенях дома Искус<ств>, из статей здесь написанных сделаю альбом и вам перешлю». 3 февраля 1922 г. Ремизов писал тому же адресату: «Понемногу собираю все, что о Блоке, уж и т<ом> есть и в переплете — как в драгоценных камнях. Это я все думаю, хорошо бы в музей — в комнату Блока» [18, с. 87].

2.

Berlin 29/ VII 22 года

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Постепенно начинаю входить в норму. Последние дни проводил в типографии, где следил за работой над биографией. Я все-таки добился того, чтобы к 1-му августу иметь 500 экз<емпляров> готовыми, чем удивил даже немцев. Эти первые экземпляры пошло в Питер. По соображениям экономического свойства некоторое количество экземпляров пошло на имя Госиздата — Ионова для передачи Вам как авторский гонорар. Не откажите зайти к нему по получении этого письма и попросите его сообщить Вам о получении книг. Необходимые экземпляры возьмите себе, а остальное передайте нашей конторе (т. е. просто скажите, а Сережа их заберет). Такая спешка, конечно, не могла не отразиться на внешности книги, в особенности на обложке (ни один художник не успел сделать обложку, а приличных шрифтов в этих очень приличных типографиях никаких нет, поэтому пришлось делать наборную, да еще и неудачную). Впрочем, думаю, что может быть что-нибудь удастся сделать.

<А я придумал обложку для Собр<ания> Сочинений Блока. На белой обложке — автограф подписи Александра Александр. и больше ничего, то же можно на корешке. Напишите Ваш ответ. Никакой художник такой простоты не добьется>¹.

Цена книги здесь 180 марок. Нужно сказать, что это первая книга, которая выходит в Берлине по новым шрифтам после двухнедельной забастовки рабочих, которую еще застал.

Теперь о «Слове». Еще три раза, часа по три каждый раз беседовал с ними и удивился, что они самые предпоследние жулики. Вероятнее всего, что с ними никак не договорюсь, тем более что у них и средств нет поднять такое издание как — Блок, и поэтому они предлагают растянуть его на 20 месяцев. Кроме того Б.И. Элькин, которого хорошо знает Яков Максимов, в последней беседе со мною уверял меня, что по существу договора с Вами они имеют право печатать без Вашего разр<ешения> и на прежних условиях, и раз они уже предложили Вам 15%, то они их и заплатят Вам. На мой вопрос, в чем в сущности разница между тем, что если бы Вы продали им авторское право навсегда и на неогран<иченное> количество экземпляров, и тем договором, который заключен у Вас со Словом, он ответил, что разницы в сущности нет никакой. Тогда мне пришлось заявить, что в таком случае я утверждаю, что Росс ввел Блок в заблуждение, что свидет<ельскими> показаниями можно установить, и если договор действительно имеет такую силу (я не знаю, что такое опсионное право, мне казалось, что это преимущественное право), мне очень легко разрушить его по существу. На этом разговор наш кончился.

Я занялся выяснением Ваших с ними счетов. Оказалось, что копия расчета, который Вам выслан и в котором, по Вашим расчетам, разница на 17½ т. не в Вашу пользу, после первого визита моего, когда я его видел, видите ли, у них уже утерян, и они клянутся, что новый расчет, который они мне дали теперь, совсем верный и разница с первым расчетом всего на 300 с чем-то марок. Очень прошу Вас выслать мне с первой почтой копию того расчета², в котором допущены ошибки. Кроме того прошу выслать копию договора Вашего со Словом. Если затею дело, он необходим, а от них вряд ли его получу. Так же пришлите и договор с Алконостом, который хорошо бы пометить числом более ранним, чем помечен договор со Словом (как он фактически и был заключен). Вот, кажется, все документы, необходимые для иска. Должен сказать, что мне обещали дать такого большого юриста, от которого у них глаза на лоб выскочут и который поведет это дело не из материальных соображений, а исключительно принципиально. Т. к. «Театр» у них уже отпечатан, я вырвал у них 20.000 м. авансу (больше 10.000 не хотели давать). При первом случае деньги эти вышлю Вам.

Т. к. из-за этих переговоров со Словом ни с кем еще не говорил, потерял много времени. Сегодня видался с денежными людьми. Начинаю действовать в этом направлении. Но до Вашего письма не хочу предпринимать окончательных решений, хотя и не сомневаюсь, что Вы со мною согласитесь. Во всяком случае я сделал все, чтобы договориться. Теперь пусть пеняют на себя. Посторонний человек Н.С. Голуб возмущен не меньше меня, т. к. он присутствовал при всех моих с ними переговорах. Итак, жду Ваших сообщений. Мне известно, что Евг<ения> Фед<оровна?> задержалась с деньг<ами>. Если нету денег, займите. Пришлю книги, деньги будут.

Пришлите, пожалуйста, выверенный экземпляр тома статей. Нужно иметь его на случай, если будет какая-нибудь возможность. А эта возможность может встретиться ежедневно.

Привет и любовь Александре Андреевне и Марье Андреевне. Крепко жму Вашу руку. Преданный С. Алянский.

Если бы не тоска, которая гнетет, здесь можно очень много сделать. Жду не дождусь Надежду Львовну. Помогите ей, пожалуйста, уехать³.

Еще крепко жму Вашу руку. С.А.

¹ Приписка на полях по смыслу относится к этому месту.

² Здесь и далее подчеркнуто красным карандашом.

³ Приписка на полях.

3.

Berlin. 2 / IX 22 г.

Дорогая Любовь Дмитриевна!

Никак не могу понять, почему до сих пор не получаю рукописей (переписанных) тома статей. Не пропали ли они в пути? Если так, очень прошу выслать второй экземпляр, так как положение мое здесь сейчас самое глупое. Во-первых сижу без дела, а между тем сидеть собираюсь здесь еще недолго. Единственная работа, которую мне необходимо здесь проделать, это выпустить один том прозы, дабы выработать тип такого тома. Стихи пойдут в таком же виде, как в Питере. Зап<иски> Мечт<ателей> печатать здесь не буду по многим соображениям; расскажу по приезде.

Конечно, моя поездка оправдалась, т. е. мне удалось устроить Собр<ание> Сочин<инений> Блока и отпечатать биографию, но вот уже месяц, как выпустил биографию и договорился о собр<ании> сочин<инений>. Сижу без дела, а между тем необходимо спешить, т. к. условия работы сильно ухудшаются. Работа и бумага растут в цене не по дням, а по часам; так, например: биография продавалась здесь месяц назад по 200 м., через две недели 400 м., а с 5 сент<ября> 500 или 600 м., причем если бы я захотел воспроизвести ее сейчас с такой же быстротой, она обошлась бы дороже 500–600. Объясняется это тем, что марка на моих глазах здесь упала с 350 м. за доллар до 2400 мар. за доллар. Все, конечно, страшно вздорожало, поэтому немного обидно, что Над<ежда> Львовна продала первые экз<емпляры> биографии несоответственно дешево, слишком они дорого стоили. Впрочем, при такой медленной почте очень трудно там следить за курсом марки здесь.

Настроение мое поправилось с тех пор, как узнал, что Н<адежда> Л<ьвовна> едет сюда, а то было решил ехать обратно. Глупо сидеть и ничего не делать; этим делом и в Питере могу заняться, начатые работы с Зап<исками> Мечт<ателей> пришлось прервать по независящим от меня причинам.

Ради Бога Любовь Дмитриевна, пришлите по возможности 2 экзempl<яра> рукописей и исправленные экзempl<яры> первых трех томов (стихотв<орений>).

Как здоровье Александры Андреевны и Марии Андреевны — мой привет им и пожелания лучшие. Почему ничего не пишете? Я не писал Вам, так как нытьем своим не хотел ронять себя в Ваших глазах. А то, глядишь, и доверие Ваше, которое мне очень ценно, потеряю. Крепко жму руку и умоляю о рукописях.

Преданный Вам Алянский.

4.

Петербург, 22 июня 1924

Многоуважаемая Любовь Дмитриевна!

Я никогда не представлял себе, что разговор, происходивший между нами, возможен между знакомыми людьми, тем более не представлял такого разговора с Вами в силу сложившихся за 6 лет отношений, носивших характер несколько отличный от обычного знакомства. На своем, хотя и не очень большом веку, мне приходилось встречаться и иметь дело со многими людьми. С некоторыми из них мне приходилось ссориться (но не на денежной почве), и таких чудовищных обвинений, которые пришлось услышать от Вас, мне до сих пор слышать не приходилось. Мошенником меня еще никто не считал, и как с таковым никто не говорил.

До сих пор я не могу еще придти в себя от всего слышанного от Вас.

Я хочу здесь припомнить, как сложились наши деловые взаимоотношения по напечатанию собр<ания> соч<инений> А<лександра> А<лександровича>. И дают ли они повод Вам бросать мне с легкостью такие обвинения. Когда летом 22-года я уезжал в Берлин печатать собр<ания> соч<инений> А<лександра> А<лександровича>, Вы прекрасно знали, что средств на печатание у меня не было и быть не могло, да и вообще Вы знали все мои финансовые возможности. Вы знали, что в Алконосте средств нет, и если я вертелся и жил с этого дела, то только потому, что работал как вол, не зная покоя и отдыха. Вы также знаете, ибо я не мог Вам этого не говорить, на каких условиях я договорился с Эпохой в 22-году. Я по совести утверждаю, что Вы знали, что значительная часть авторского гонорара за издание Эпохи идет на покрытие расходов по печатанию книг с маркой Алконост, предназначенные для России, с тем, чтобы эта часть гонорара за изд<ание> Эпоха будет Вам выплачена уже мною от реализации в России из Алконост. Вы знали также, что за уступку части авторских прав другому изд<ательств>ву я противно издательским обычаям не взял в свою пользу ни одной копейки. Этим я не хочу сказать, что принес какие-то жертвы. Я продолжаю считать, как и раньше считал, такое мое поведение в порядке вещей и вполне естественным, несмотря на сложившиеся у издателей обычаи. Я говорю сейчас об этом для того, чтобы подтвердить, что считал и считаю себя защитником максимальных авторских прав и гонораров. И если это последнее обстоятельство не было известно Вам, то оно было известно многим нашим писателям и издателям, в среде которых я не пользуюсь репутацией мошенника. Я был бы неправильно понят Вами, если бы Вы

сочли эти слова мои как попытку оправдаться. Я по совести не знаю никакой вины перед Вами.

Мне кажется, что если бы сочинения А.А. Блока попали в Россию сразу по напечатанию их, как это предполагалось, я уверен, мне не пришлось бы Вам ничего объяснять, т. к. гонорар был бы давно уже Вам выплачен, и не пришлось бы выслушивать таких тяжелых оскорблений. Но разве Вам не известно, что задержка в получении книг из Берлина произошла на 99% не по моей вине?¹

Я многое мог бы сказать Вам, Любовь Дмитриевна, при других условиях, сейчас не могу.

Я хочу надеяться, что Вы не желали меня так жестоко и незаслуженно обижать и оскорблять, я хочу надеяться, что Вы уже пожалели о словах, и я готов забыть этот разговор, тем более что ни один человек от меня не знает о происшедшем между нами. Если же Вы продолжаете настаивать на Ваших обвинениях, я надеюсь Вы не откажетесь повторить их суду, назначенному по моей просьбе Союзом Писателей, куда я думаю обратиться за защитой своей чести в случае, если мы не поладим с Вами миром. Я надеюсь, что решение такого суда Вы признаете достаточно авторитетным, т. к. права писателей им достаточно близки.

Теперь о расчетах. Я получил их вчера из Берлина. Гонорар за сочинения Блока печатного издательства «Эпоха» выражается в следующих цифрах.

За I том	Долларов	163.10
= II =	=	178.90
= III =	=	152.30
= IV =	=	156. –
= V =	=	261.50
= VI =	=	274. –
= IX =	=	303.10
<hr/>		
Итого	Долл.	1.489.70

Итак, мой долг за берлинское издание равняется сумме 1489 долларов 70 центов, что в переводе на золотые рубли (по курсу 1 р. 93 к. за доллар) составляет руб. 2.875. 12 коп. В счет этой суммы Вы уже кое-что получили (к сожалению, не могу отыскать моих записей, у Вас они имеются). Полученную сумму вычитайте из общей суммы долга, и получится сумма, которую я Вам должен. При нашем последнем разговоре я так растерялся, что имел неосторожность обе-

щать Вам выплатить сумму долга за берл<инское> издание в течение 2 недель. Я помню, у меня явилось роковое желание покончить сразу с денежными расчетами, и тогда уже наговорить Вам горьких слов. Желание вполне естественное, и если бы мне удалось его выполнить, я считал бы себя счастливым. Я даже имел определенный расчет; думал, продам свою личную библиотеку и все картинки, и таким путем деньги соберу. Но эти расчеты и оказались легкомысленными; я переоценил свое имущество ровно в 7 раз. Таким образом, из этого ничего не вышло. Других источников раздобыть нужные деньги у меня не оказалось, несмотря на то, что я принял все меры, вплоть до попытки занять деньги под ростовщический процент, но для этой операции необходимо представить обеспечение в виде драгоценностей на сумму, превышающую сумму кредита в 2–3 раза, т. е. на 500–600 черв<онцев>. К сожалению, драгоценностей у меня не имеется, и от этого кредита пришлось отказаться. Вся эта неудача меня крайне удручает, но ничего поделать не могу. Теперь остается один выход. По договору с «Книгой» за каждый проданный комплект соч<инений> А.А. Блока я получаю по 4 р. зол<отом>. По личному соглашению с Вами, 33 1/3% этой суммы я обязан выплачивать Вам в качестве авторского гонорара за издание под маркой «Алконост».

Для того чтобы покрыть долг за издание под маркой Эпохи, я предлагаю Вам выплачивать из того же источника еще 31 2/3%. Таким образом, Вы будете получать каждое 10-ое число 65% с суммы, причитающейся мне от «Книги» за проданные в предыдущем месяце экземпляры, т. е. за каждый проданный экземпляр Вы получите 2 р. 60 коп. Эти последние 31 2/3% Вы будете получать до тех пор, пока не покроется долг за изд<ание> «Эпохи», после чего Вы будете получать только 33 1/3% до продажи последнего тома соч<инений> Блока (т. е. 6, 8 и 10-ый), имеющих выйти через три месяца со дня представления рукописей. Кроме того сообщаю, что если 8-ой том полностью не будет отправлен мною в Берлин до 1-го Июля с<его> г<ода>, «Эпоха» прекращает выдачу мне вышедших 7 томов.

Таким образом, все эти условия действительны в том случае, если 8-ой том целиком будет представлен Вами не позднее 30 Июня с<его> г<ода> для отправки его в Берлин. Вы просили гарантий, что суммы моего долга будут Вам своевременно выплачены. Повторяю, что за неимением драгоценностей я их представить в качестве залога не могу, но можно устроить так, что суммы Вы будете получать непосредственно в «Книге» вместе с отчетами о продаже. Об этом я могу передать Вам официальное письмо на имя «Книги» с указанием, что 65% причитающихся мне платежей должны выплачиваться Вам. Это

вполне деловое решение вопроса, гарантирующее Вам аккуратную выплату.

Я очень надеюсь, что Вы не задержите ответа на это письмо, коснувшись в нем как первой его части, так и части о расчетах.

Уважающий Вас С. Алянский.

P.S. Очень прошу Вас также сообщить мне сумму, полученную Вами в счет моего долга. С. А.

На бланке «Алконоста».

¹ В 1924 г. обмен книгами между издательствами русского зарубежья и советской Россией становится невозможным по причине жесткого цензурного контроля.

Приложение

<ЧЕРНОВИК ДОГОВОРА Л.Д. БЛОК С «АЛКОНОСТОМ»>²⁷

Петроград Тысяча девятьсот двадцать второго года июля ___ дня мы нижеподписавшиеся, Любовь Дмитриевна Блок, урожденная Менделеева с одной стороны и издательство Алконост в лице Самуила Мироновича Алянского, и ниже краткости ради именуемого Издательство, с другой стороны заключили настоящий договор в нижеследующем:

1) Я, Любовь Дмитриевна Блок, передаю Издательству право на издание всех без исключения сочинений моего покойного мужа писателя Александра Александровича Блока, как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появившихся в печати. [Буде я среди бумаг моего покойного мужа найду какие-либо рукописи, я обязана передавать их Издательству и не имею права помимо Издательства печатать их или уступать право издания их третьим лицам без согласия на то Издательства].

2) Издательство вправе издавать сочинения моего мужа так, как оно признает это нужным, то есть в виде ли полного собрания сочинений или в виде отдельных сборников, составленных Издательством по тому или иному признаку.

Издательство вправе издавать сочинения моего мужа как на всем протяжении РСФСР и союзных с нею и дружественных республик, так и за границею, при чем Издательство вправе издавать эти сочинения на любом иностранном языке. Издательству же как приобретающему по сему договору право издания всех сочинений покойного мужа моего должно принадлежать исключительное право разрешения перевода означенных сочинений на иностранные языки, и потому оно вправе в случае нарушения его исключительного права на издание сочинений А.А. Блока отыскивать причиненные самовольным переводом на иностранные языки убытки и возбуждать уголовное преследование против виновных по законам и в порядке, установленным в месте учинения недозволенного деяния. Издательству же и только ему одному будет принадлежать право постановки на театральной сцене всех драматических произведений покойного А.А. Блока, как на русском, так и на иностранном языке.

3) Издательству одному должно принадлежать право определения количества экземпляров, выпускаемых в свет в том или ином виде сочинений покойного А.А. Блока; формы книг, места издания,

²⁷ Машинопись с правкой, 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 88).

способа тиснения и установление продажной цены выпускаемых из печати и пускаемых в продажу сочинений А.А. Блока.

4) В вознаграждение за переуступку Издательству принадлежащих мне прав на сочинения покойного А.А. Блока во всем на основаниях, вышеизложенных в настоящем моем договоре с Издательством, я имею получать от Издательства пятнадцать процентов с номинальной цены всех выпущенных в свет сочинений А.А. Блока, причем ныне же в счет могущих причесться мне от Издательства сумм я при подписании сего договора имею получить _____ остальные же платежи Издательство имеет производить периодически каждые _____ представляя мне выписки своих торговых книг, из коих должно явствовать, сколько экземпляров сочинений моего покойного мужа А.А. Блока выпущено в свет и на какую общую номинальную сумму. При этом вознаграждение за сочинения, выпущенные на иностранных языках или на русском языке, но проданные за границу должно проводиться мне в соответствующей иностранной валюте.

Из полученного Издательством авторского вознаграждения за [разрешение поставить на сцене] театральные постановки, 75% поступают в пользу мою, Л.Д. Блок, а 25% в пользу Издательства¹.

Содержание настоящего договора мне известно. Я со своей стороны никаких притязаний на авторские права покойного моего сына не заявляю².

Машинопись с правкой, 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 654. Оп. VIII. № 88).

¹ Приписка простым карандашом рукой Л.Д. Блок.

² Последний абзац — приписка матери Блока, А.А. Кублицкой-Пиоттух.

Список литературы

1. Альбомы из архива С.М. Алянского // Шахматовский вестник: К 75-летию со дня смерти А.А. Блока: из фондов музея-заповедника А.А. Блока: Каталог. Солнечногорск, 1996. № 6. Вып. 1. С. 44–71.
2. *Алянский С.М.* Встречи с Александром Блоком. М.: Детгиз, 1972. 159 с.
3. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 608 с.
4. Андрей Белый и С. Алянский: переписка / предисл. и публ. Дж. Малмстада // Лица: Биографический альманах. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 9. С. 67–115.
5. Андрей Белый. Дневниковые записи / предисл. и публ. С.С. Гречишкина и А.В. Лаврова // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 788–830.
6. *Бекетова М.А.* Александр Блок. Биографический очерк. Пб.: Алконост, 1922. 306 с.

7. Белов С.В. Блок и первые послереволюционные издательства («М. и С. Сабашниковы», «Алконост») // Литературное наследство. М.: Наука, 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 713–724.
8. Белов С.В. К проблеме: А. Блок и С.М. Алянский // Блоковский сборник. Тарту, 1986. Вып. VII. С. 91–98.
9. Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М. Алянского. Л.: Наука, 1979. 112 с.
10. Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М.: Согласие, 1996. 734 с.
11. Блок А.А. Записные книжки. 1901–1920. М.: ИХЛ, 1965. 663 с.
12. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. М.–Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. Автобиография. Дневники. 1901–1921. 522 с.
13. Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. М.: Наука, 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 153–539.
14. Быстрова О.В. Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М.: ИНИОН, 1996. Т. 2. Ч. 1. С. 37–60.
15. Галанина Ю.Г. Любовь Дмитриевна Блок. Судьба и сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 432 с.
16. Гессен И.В. Годы изгнания. Париж: YMCA-Press, 1979. 268 с.
17. Глейзер М.М. Издательство «Алконост». 1918–1923. СПб.: Реноме, 2015. 157 с.
18. Грачева А.М. Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. С. 84–101.
19. Е.Д. [Динерштейн Е.А.] Луначарский, Блок и «Алконост» // Вопросы литературы. 1969. № 6. С. 248–250.
20. Книги с дарственными надписями: из архива С.М. Алянского // Шахматовский вестник: к 75-летию со дня смерти А.А. Блока: из фондов музея-заповедника А.А. Блока: Каталог. Солнечногорск, 1996. № 6. Вып. 1. С. 72–97.
21. Константин Федин и его современники. М.: ИМЛИ РАН, 2018. Кн. 2. 768 с.
22. Кукушкина Т.А. К истории «Издательства писателей в Ленинграде» (1927–1934): неизвестные эпизоды // Русская литература. 2020. № 2. С. 171–182.
23. Лавров А.В. Блок и Иванов-Разумник // Лавров А.В. Этюды о Блоке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. С. 80–135.
24. Лекманов О.А. Андрей Белый и Вячеслав Иванов в дневнике Георгия Кнорре 1918–1919 годов // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 670–676.
25. Орлов Вл. Литературное наследство Александра Блока // Литературное наследство. М.: Журнально-газетное объединение, 1937. Т. 27–28. С. 505–574.
26. Павлович Н. Воспоминания об Александре Блоке // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. I]. С. 449–506.
27. Переписка Вячеслава Иванова с С.М. Алянским (1918–1923) / вступ. ст., подгот. текста и комм. А.С. Александрова // Русская литература. 2011. № 4. С. 92–105.
28. Ремизов А.М. Собрание сочинений. СПб.: Росток, 2016. Т. 12. Русалия. 991 с.
29. Рогачевский А. Борис Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 222–226.
30. Спивак М.Л. Издательство «Алконост»: к вопросу о традициях символистского книгоиздания // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 5. С. 16–28.

31. *Спивак М.Л.* Публицистика Андрея Белого в биографическом и историко-культурном контексте: 1916–1934: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 632 с.
32. *Таран Е.Г.* Вокруг «Алконоста». М.: Аграф, 2011. 240 с.
33. *Таран Е.Г.* От «Дневника писателя» к «Запискам мечтателей»: эволюция символистского «Журнала для своих» // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты. М.: РГГУ, 2014. С. 156–165.
34. *Чернов И.А.* А. Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. [Вып. I]. С. 530–538.
35. *Юнусова А.Н.* Становление правового института опционного договора в России: историко-правовой аспект // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 179–189.
36. *Яцунюк Е.И.* Из истории прижизненных изданий А.А. Блока // Книга: Исследования и материалы. М.: Книга, 1980. Сб. 41. С. 73–88.

Статья поступила в редакцию: 25.03.2020

Одобрена после рецензирования: 14.07.2020

Дата публикации: 25.12.2020

Research Article

“Nobody considered me a fraudster yet...”: S.M. Alyansky’s Letters to L.D. Blok (1922–1924)

© 2020. Svetlana V. Fedotova

A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article, based on publication of S.M. Alyansky’s letters to L.D. Blok (1922, 1924), reconstructs the history of relations between the owner of “Alkonost” and the poet’s widow, who transferred the exclusive rights to all of Blok’s works to Alyansky. The article clarifies the details and circumstances of business negotiations between Alyansky and representatives of the “Slovo” publishing house in Berlin, which published Blok’s collected works (three volumes of poems and “The Theater”) in 1922, as well as the financial conditions for publishing a ten-volume collection of Blok’s works under the “Alkonost” brand in the publishing house “Epokha” (Berlin, 1923). The main subject of consideration is a fact unknown in Blok studies — the fraud allegations made against Alyansky by L.D. Blok. The introduced archival materials do not only shed light on this incident, but also prove the unsoundness of the insinuations put forward against the owner of “Alkonost”, whose publishing and royalty policies were determined by professional enterprise and high — “knightly” — moral qualities.

Keywords: A.A. Blok; L.D. Blok; M.S. Alyansky; Publishing Houses “Alkonost”, “Slovo”, “Epoch”; collected works; copyright; honorarium policy.

Information about the author: Svetlana V. Fedotova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy

of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: 0000-0002-9991-4966. E-mail: lucia-th@yandex.ru.

For citation: Fedotova, S.V. “‘Nobody Considered Me a Fraudster Yet...’: S.M. Alyansky Letters to L.D. Blok (1922–1924).” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (18), 2020, pp. 109–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-18-109-151>

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no 18-52-15031 NTsNI_a “Financing of Soviet Culture (1917–1941)”.

References

1 “Al'bomy iz arkhiva S.M. Alianskogo” [“Albums from S.M. Alyansky Collection”]. *Shakhmatovskii vestnik: K 75-letiiu so dnia smerti A.A. Bloka: iz fondov muzeia-zapovednika A.A. Bloka: Katalog [Shakhmatovo Herald: To the 75th Anniversary of A.A. Blok's Death: From the Collections of the A.A. Blok Museum-Reserve: Catalogue]*, no. 6, issue 1. Solnechnogorsk, 1996, pp. 44–71. (In Russ.)

2 Alianskii, S.M. *Vstrechi s Aleksandrom Blokom [Encounters with Alexander Blok]*. Moscow, Detgiz Publ., 1972. 159 p. (In Russ.)

3 *Andrei Belyi i Aleksandr Blok. Peregписка. 1903–1919 [Andrei Bely and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]*. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2001. 608 p. (In Russ.)

4 “Andrei Belyi i S. Alianskii: perepiska” [“Andrei Bely and S. Alyansky: correspondence”], predisl. i publ. J. Malmstad. *Litsa: Biograficheskii al'manakh [Faces: Biographical Almanac]*, issue 9. St. Petersburg, Feniks Publ., 2002, pp. 67–115. (In Russ.)

5 “Andrei Belyi. Dnevnikovye zapisi” [“Andrei Bely. Diary Entries”], introd. and publ. by S.S. Grechishkin and A.V. Lavrov. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 788–830. (In Russ.)

6 Beketova, M.A. *Aleksandr Blok. Biograficheskii ocherk. [Alexander Blok. Biographical Essay]*. St. Petersburg, Alkonost Publ., 1922. 306 p. (In Russ.)

7 Belov, S.V. “Blok i pervye poslerevoliutsionnye izdatel'stva (‘M. i S. Sabashnikov’, ‘Alkonost’)” [“Blok and the First Post-Revolutionary Publishing Houses (‘M. and S. Sabashnikovs’, ‘Alkonost’)”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92, book 4. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 713–724. (In Russ.)

8 Belov, S.V. “K probleme: A. Blok i S.M. Alianskii” [“On the Issue: A. Blok and S.M. Alyansky”]. *Blokovskii sbornik [Blok Collection]*, issue VII. Tartu, 1986, pp. 91–98. (In Russ.)

9 Belov, S.V. *Master knigi: Ocherk zhizni i deiatel'nosti S.M. Alianskogo [The Book Master: An Essay on S.M. Alyansky's Life and Work]*. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 112 p. (In Russ.)

10 Berberova, N.N. *Kursiv moi: Avtobiografiia [Italics Are Mine: Autobiography]*. Moscow, Soglasie Publ., 1996. 734 p. (In Russ.)

11 Blok, A.A. *Zapisnye knizhki. 1901–1920 [Notebooks. 1901–1920]*. Moscow, IHL Publ., 1965. 663 p. (In Russ.)

12 Blok, A.A. *Sobranie sochinenii: v 8 t. [Collected Works: in 8 vols]*, vol. 7. *Avtobiografiia. Dnevniki. 1901–1921 [Autobiography. Diaries. 1901–1921]*. Moscow–Leningrad, GIKhL Publ., 1963. 522 p. (In Russ.)

- 13 “Blok v neizdannoï perepiske i dnevnikakh sovremennikov” [“Blok in Unpublished Correspondence and Diaries of Contemporaries”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 92, book 3. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 153–539. (In Russ.)
- 14 Bystrova, O.V. “Berlinskie izdatel'stva” [“Berlin Publishing Houses”]. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia (1918–1940)* [*Literary Encyclopedia of Russian Abroad (1918–1940)*], vol. 2, part 1. Moscow, INION Publ., 1996, pp. 37–60. (In Russ.)
- 15 Galanina, Iu.G. *Liubov' Dmitrievna Blok. Sud'ba i stsena* [*Lyubov Dmitrievna Blok. Fate and Stage*]. Moscow, Progress-Pleiada Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)
- 16 Gessen, I.V. *Gody izgnaniia* [*Years of Exile*]. Paris, YMCA-Press Publ., 1979. 268 p. (In Russ.)
- 17 Gleizer, M.M. *Izdatel'stvo “Alkonost”. 1918–1923* [“*Alkonost*” Publishing House. 1918–1923]. St. Petersburg, Renome Publ., 2015. 157 p. (In Russ.)
- 18 Gracheva, A.M. “Posmertnaia zhizn' Aleksandra Bloka v tvorchestve Alekseia Remizova” [“The Posthumous Life of Alexander Blok in Alexei Remizov's Works”]. *Aleksandr Blok. Issledovaniia i materialy* [*Alexander Blok. Studies and materials*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2011, pp. 84–101. (In Russ.)
- 19 E.D. [Dinershtein, E.A.] “Lunacharskii, Blok i ‘Alkonost’.” [“Lunacharsky, Blok and ‘Alkonost’.”]. *Voprosy literatury*, no. 6, 1969, pp. 248–250. (In Russ.)
- 20 “Knigi s darstvennymi nadpisiami: iz arkhiva S.M. Alianskogo” [“Books with Dedicatory Inscriptions: from S.M. Alyansky Collection”]. *Shakhmatovskii vestnik: k 75-letiiu so dnia smerti A.A. Bloka: iz fondov muzeia-zapovednika A.A. Bloka: Katalog* [*Shakhmatovo Herald: To the 75th Anniversary of A.A. Blok's Death: From the Collections of the A.A. Blok Museum-Reserve: Catalogue*], no. 6, issue 1. Solnechnogorsk, 1996, pp. 72–97. (In Russ.)
- 21 *Konstantin Fedin i ego sovremenniki* [*Konstantin Fedin and His Contemporaries*], book 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2018. 768 p. (In Russ.)
- 22 Kukushkina, T.A. “K istorii ‘Izdatel'stva pisatelei v Leningrade’ (1927–1934): neizvestnye epizody” [“On the History of the ‘Writers Publishing House in Leningrad’ (1927–1934): Unknown Episodes”]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2020, pp. 171–182. (In Russ.)
- 23 Lavrov, A.V. “Blok i Ivanov-Razumnik” [“Blok and Ivanov-Razumnik”]. *Lavrov, A.V. Etiudy o Bloke* [*Lavrov, A.V. Studies on Blok*]. St. Petersburg, Ivan Limbah Publ., 2000, pp. 80–135. (In Russ.)
- 24 Lekmanov, O.A. “Andrei Belyi i Viacheslav Ivanov v dnevnike Georgiia Knorre 1918–1919 godov” [“Andrei Bely and Vyacheslav Ivanov in Georgy Knorre's Diary, 1918–1919”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [*Vyacheslav Ivanov. Studies and Materials*], issue 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 670–676. (In Russ.)
- 25 Orlov, VI. “Literaturnoe nasledstvo Aleksandra Bloka” [“Literary Heritage of Alexander Blok”]. *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*], vol. 27–28. Moscow, Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie Publ., 1937, pp. 505–574. (In Russ.)
- 26 Pavlovich, N. “Vospominaniia ob Aleksandre Bloke” [“Memoirs of Alexander Blok”]. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], issue I. Tartu, 1964, pp. 449–506. (In Russ.)
- 27 “Perepiska Viacheslava Ivanova s S.M. Alianskim (1918–1923)” [“Vyacheslav Ivanov's Correspondence with S.M. Alyansky (1918–1923)”], introd., text. prep. and comm. by A.S. Aleksandrov. *Russkaia literatura*, no. 4, 2011, pp. 92–105. (In Russ.)
- 28 Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*], vol. 12: Rusaliia [Rusalia]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016. 991 p. (In Russ.)

29 Rogachevskii, A. “Boris El'kin i ego oksfordskii arkhiv” [“Boris Elkin and His Oxford Collection”]. *Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ia* [*Jews in the Culture of Russian Abroad*], vol. 5. Jerusalem, 1996, pp. 222–226. (In Russ.)

30 Spivak, M.L. “Izdatel'stvo “Alkonost””: k voprosu o traditsiakh simvolistskogo knigoizdaniia” [“‘Alkonost’ Publishing House: on the Issue of Traditions of the Symbolist Book Publishing”]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Serii literatury i iazyka*, vol. 67, no. 5, 2008, pp. 16–28. (In Russ.)

31 Spivak, M.L. *Publitsistika Andreia Belogo v biograficheskom i istoriko-kul'turnom kontekste: 1916–1934: dis. ... d-ra filol. nauk* [*Andrei Bely's Journalism in a Biographical and Historical-Cultural Context: 1916–1934: PhD Thesis*]. Moscow, 2012. 632 p. (In Russ.)

32 Taran, E.G. *Vokrug “Alkonosta”* [*Around “Alkonost”*]. Moscow, Agraf Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)

33 Taran, E.G. “Ot ‘Dnevnika pisatel'ia’ k ‘Zapiskam mechtatelei’: evoliutsiia simvolistskogo ‘Zhurnal dlia svoikh’.” [“From ‘The Writer’s Diary’ to ‘Notes of Dreamers’: Evolution of the Symbolist ‘Journal for Friends’.”]. *Knigoizdatel'stvo “Musaget”: Istoriia. Mify. Rezul'taty* [*The “Musaget” Publishing House. History. Myths. Results*]. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 156–165. (In Russ.)

34 Chernov, I.A. “A. Blok i knigoizdatel'stvo ‘Alkonost’.” [“A. Blok and the Publishing House ‘Alkonost’.”]. *Blokovskii sbornik* [*Blok Collection*], issue I. Tartu, 1964, pp. 530–538. (In Russ.)

35 Iunusova, A.N. “Stanovlenie pravovogo instituta optsiionnogo dogovora v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt” [“Formation of the Legal Institution of an Option Agreement in Russia: the Historical and Legal Aspect”]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Iuridicheskie nauki*, vol. 3 (69), no. 2, 2017, pp. 179–189. (In Russ.)

36 Iatsunok, E.I. “Iz istorii prizhiznennykh izdaniĭ A.A. Bloka” [“From the History of A.A. Blok's Lifetime Publications”]. *Kniga: Issledovaniia i materialy* [*Book: Studies and Materials*], vol. 41. Moscow, Kniga Publ., 1980, pp. 73–88. (In Russ.)

The article was submitted: 25.03.2020

Approved after reviewing: 14.07.2020

Date of publication: 25.12.2020